

ЛОРЕТ ЭНН УАЙТ

МЫ ХРАНИМ СЕКРЕТЫ

ВЫСШАЯ НАСТОЛЬКО МРАЧНЫЕ, ЧТО БОИМСЯ

ЛИГА ДЕТЕКТИВА

ВЗГЛЯНУТЬ НА СВОЕ ОТРАЖЕНИЕ.

УТОНУВШИЕ ДЕВУШКИ

18+

Высшая лига детектива

Лорет Энн Уайт

Утонувшие девушки

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Уайт Л.

Утонувшие девушки / Л. Уайт — «Эксмо», 2017 — (Высшая лига детектива)

ISBN 978-5-04-100618-1

На старинном кладбище найдена девушка, которую преступник оставил умирать у ног статуи Девы Марии. Одновременно из городского канала выловили замотанное в пленку неопознанное тело. На лбу обеих жертв вырезано распятие. К делу приступает молодой детектив Энджи Палорино, но она берется за него с опаской. Мало того что после начала расследования Энджи стала слышать жуткие голоса в голове, так еще и новый сотрудник Джеймс, с которым она вынуждена работать в паре, оказался ей знаком по совершенно иному поводу...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-100618-1

© Уайт Л., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Неизвестная	6
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	27
Глава 6	31
Глава 7	33
Глава 8	37
Глава 9	40
Глава 10	46
Глава 11	50
Глава 12	53
Глава 13	55
Креститель	60
Глава 14	63
Глава 15	66
Глава 16	72
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Лорет Энн Уайт

Утонувшие девушки

*Посвящается Марлин – спасибо, что ты вдохнула жизнь в
Викторию Энджи и была непревзойденной читательницей романа.*

Loreth Anne White
THE DROWNED GIRLS

Copyright © 2017 by Cheakamus House Publishing, Inc.

This edition is made possible under a license arrangement originating with Amazon Publishing,
www.apub.com, in collaboration with Synopsis Literary Agency

Перевод с английского *О. Мышаковой*

© Мышакова О., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Книга является художественным произведением. Все имена, персонажи,
места и события, описанные в романе, являются вымышленными либо
использованы условно.

Неизвестная

*Зеркало, зеркало на стене,
Кто отражается в тебе?*

День первый

Все мы лжем.

Все мы храним секреты – порой зловещие, а порой настолько мрачные и позорные, что поспешно отводим глаза от своего отражения в зеркале.

Пряча неприглядную истину в подвале души, мы старательно наводим внешний глянец, кроим себе парадную историю, словно желая сказать – смотрите, вот я какая. Мы постим в социальных сетях – поглядите, вот я обедаю в модном ресторане с лучшими подругами, а вот я в сексапильных шпильках, а вот мой умильный щенок, а вот мой крутой бойфренд, а вот какая у меня красивая задница в бикини. Смотрите на мою сказочную, идеальную жизнь, смотрите, как я напиваюсь на вечеринке и грудь у меня выпирает из блестящего топики. А какие красавцы за мной увиваются – смотрите и завидуйте!

А потом проверяем, сколько людей лайкнули эту фальшивку, и наше настроение зависит от числа лайков, комментариев и тех, кто оставил комментарии.

Но тьма упорно просачивается сквозь щели. Она ищет свет.

И рано или поздно бравада начинает захлебываться, пуская пузыри, или же конец наступает жестоко и сразу, и уродливая правда, так разборчиво написанная на тебе, хорошо читается в беспощадно-резком флуоресцентном свете. И уже ничего нельзя сделать, разве что скрыть ее от копов, занятых расследованием.

Я на больничной койке.

Я слышу писк и шипение приборов.

Они помогают мне дышать, поддерживают во мне жизнь. Я слышу перешептывание медсестер и разговор двух детективов, но не могу ответить. Я не могу двинуться и ничего не чувствую. Я не в состоянии рассказать, что произошло. Я не умерла, я пока еще жива, но меня словно куда-то уносит на серебристых нитях.

Входит врач и вполголоса спорит о чем-то с копами. До меня долетают обрывки фраз:

– Изнасилование... изъятие образцов для биологической экспертизы... политика больницы... врачебная этика... информированное согласие в отсутствие ближайших родственников...

До меня доходит – они не знают, кто я. Они не нашли мою маму.

Мама, мамочка, прости, я так виновата перед тобой! Вот уж кого я не хотела втягивать... А теперь все выйдет наружу. Я очень хочу оградить тебя от позора и боли, но они должны знать, что произошло. Пусть вытащат на свет все, от начала до конца, и найдут того, кто это сделал, чтобы успеть спасти других, особенно Лару.

Он сказал, Лара следующая. Он хочет нас всех. Нужно предупредить Лару...

На мгновение я куда-то проваливаюсь, но вскоре снова слышу приборы, всасывающие воздух и издающие ровный писк. Похоже, Рождество мне уже не встретить. Я думаю о маленькой елочке у нас дома и гадаю, найдет ли мама подарок, который я для нее купила. Он в моей комнате под кроватью. Я так хотела увидеть ее глаза, когда она откроет коробку...

Сперва они выяснят, что я, как обычно, ушла на работу – по субботам я работаю в ночную смену в кафе-пекарне «Синий барсук», в западной части города. По воскресеньям в «Барсуке» всегда наплыв народа – в выходные там очередь в любую погоду. Одна из самых популярных бранч-точек Виктории стремительно превращается в кулинарную Мекку: в «Синем барсуке» хлеб, выпечка и даже бекон своего производства.

Раба привычки, я всегда сажусь на автобус в восемнадцать ноль семь из Фэрфилда. Маршрут проходит через весь город. Через синий железный мост мы попадаем в район, где разномастные верфи понемногу сдаются под натиском модной джентрификации. Голубая мечта определенного слоя населения: построенные под занавес двадцатого века разноцветные кубики-кондоминиумы свободной планировки (с разрешением держать домашних животных), с видом на залив и внутреннюю гавань, окруженные велосипедными и беговыми дорожками, дощатыми мостками и лодочными станциями, где к вашим услугам весельные лодки, байдарки и доски для серфинга.

Но до пекарни я так и не доехала. Уже дней семь меня не покидало ощущение, что за мной следят. Новый пассажир в автобусе показался смутно знакомым. С другой стороны, Виктория – город маленький, здесь все в шести рукопожатиях друг от друга. Должно быть, где-нибудь на улице видела. На незнакомце была темная шерстяная шапка, воротник куртки поднят от резкого декабрьского ветра.

Оказалось, это был он. Следил за мной, изучал повадки своей добычи, ездил на этом же автобусе. Расставлял силки. И нашел слабое звено – темный короткий переулок, где я обычно срезала путь.

Я пытаюсь расставить события в хронологическом порядке. Воспоминания больно ранят, как осколки разбитого зеркала.

На город опускалась холодная ночь с пронизывающим ветром и густым туманом.

Начинался снег.

Глава 1

*Нет праведного ни одного.
Послание к Римлянам, 3:10*

Воскресенье, 9 декабря

Энджи Паллорино смотрела на огромные, от пола до потолка, окна, занимавшие целую стену родительской гостиной. Ухоженный газон плавно спускался к галечному пляжу, где в небольшом ангаре отец держал свою яхту, причал выдавался далеко в воды пролива Аро. Но уже стемнело, и в темном стекле Энджи видела не пляж, а свое искаженное отражение и белые гребешки волн на чернильно-черной, рябой от ветра воде.

Посередине пролива проходит американско-канадская граница, и при дневном свете на горизонте в голубой дымке можно различить горы острова Сан-Хуан. А в ясный день за ними на фоне неба четко проступает белоснежный вулкан Бейкер.

Сегодня холодно – декабрь на острове выдался на редкость промозглый. Последние девять дней Викторию держал в своих объятиях арктический фронт, отчего небо было чистым и прозрачным, а температура стояла ниже нуля, но сегодня подошел влажный тихоокеанский циклон, и влага, столкнувшись с минусовыми температурами, выпадала сейчас в виде снега.

Снежные хлопья с крохотными льдинками липли на стекла.

Энджи ненавидела снег – точнее, запах снега, в нем ей чудился отчетливый металлический оттенок, от которого переворачивалось все внутри. Она не могла объяснить своих ощущений, но стоило начаться снегопаду, как ее охватывало сосущее беспокойство, а под Рождество она вообще не находила себе места. Энджи зябко потеряла предплечья, в тысячный раз вспомнив душный июльский вечер, когда ей не удалось стабилизировать раненого ребенка, а ее ослиное упрямство оживить безнадежную девочку, возможно, стоило жизни ее напарнику.

Трехлетняя Тиффи Беннет умерла у нее на руках, а напарник Энджи, детектив Хашовски по прозвищу Хаш, получивший пулю в горло, истек кровью и скончался до приезда «Скорой». Папаша Тиффи, стоя над телом убитой им жены, приставил пистолет к виску и вышиб себе мозги. Он насиловал малышку чуть ли не с самого рождения, и судебный запрет приближаться к бывшей жене и дочери не защитил Тиффи и ее мать.

Энджи теперь часто думала, что разница между адом и раем кроется в людях. Порой, как ни старайся, ничего не изменишь.

– У тебя усталый вид, – сказал отец, неслышно подойдя сзади.

Энджи сразу выпрямилась и обернулась.

– Сколько новых морщинок у глаз, – продолжил он. – Ты хоть замечаешь, как на тебе сказывается эта работа?

– Знаешь, пап, ты сегодня тоже не Аполлон. Давай сюда, что у тебя там... – Энджи взяла у отца коробку и поставила ее у двери: он собрал вещи матери, которые, по его мнению, могли пригодиться дочери. Утром они отвезли Мириам Паллорино в психиатрическую лечебницу и целый день разбирались в ее кабинете и шкафах. Дом теперь казался пустым и огромным.

– Почему ты не уволишься, Энджи? Особенно после...

– После того, как я не спасла маленького ребенка и своего напарника?

– Ну или хотя бы не перейдешь в другой отдел? Иметь дело с сексуальными извращенцами, постоянно сталкиваться с гнуснейшими подонками... Ты очень изменилась.

В груди у Энджи точно раздули тлевшие угли, и в ней пробудилось желание крушить. В последнее время она выходила из себя при малейшей провокации, но очень жестко контролировала эмоции, сохраняя внешнюю невозмутимость и отстраненность. Энджи некоторое время смотрела на отца в просторном свитере с кожаными заплатами на локтях, любовалась густой

седеющей папиной гривой, когда-то черной как смоль. В камине потрескивали горящие поленья, кругом – книжные шкафы с ценными фолиантами, на стенах – подлинники известных мастеров, словом, жизнь с привилегиями. Доктор Джозеф Паллорино, профессор антропологии в Университете Виктории, родился в семье итальянского эмигранта, сколотившего капитал в горнодобывающей индустрии, и на блюдецке получил возможность выбрать научную карьеру по собственному вкусу. Родители всегда жили на широкую ногу, но Энджи это было и оставалось чуждо.

– Я имею дело с жертвами, – тихо поправила она. – С выжившими. С ни в чем не повинными женщинами и детьми, на которых обрушилось незаслуженное несчастье. Я сажаю негодяев, – говоря это, она смотрела отцу в глаза, – и хорошо знаю свое дело, папа. Я хороший детектив. Благодаря моей работе мир становится чище.

– Неужели?

– Да. – Она перевела взгляд на рождественскую елку с золотым ангелочком наверху, увитую гирляндой, и невольно передернулась. – Иногда.

– Мать так надеялась, что ты это перерастешь. Она думала, что ты пошла в полицию из подросткового бунта.

Энджи гневно уставилась на отца:

– И ты тоже надеялся, что я получу свою порцию пинков, остыну и вернусь в прелестный викторианский особнячок с белым штaketником и нарциссами в палисаднике?

– Энджи, у тебя университетский диплом психолога, ты была лучшей на курсе! Ты еще можешь сделать научную карьеру... – Смутившись под яростным взглядом дочери, Джозеф Паллорино кашлянул, сунул руки в карманы и вздохнул: – Мы хотим для тебя только счастья.

– Давай оставим этот разговор, сейчас не время и не место. Закажу-ка я пиццу – поедим, а потом я поеду. – Говоря это, Энджи ушла в кухню, к телефону на стене. Она взяла два выходных. Завтра они с отцом закончат перестановку и разберут вещи, а потом съездят к матери убедиться, что с ней все в порядке. – Тебе с анчоусами?

Затея с ужином оказалась неудачной – без привычного хлопотливого присутствия Мириам Паллорино они с отцом ели в неловком молчании, погруженные в свои мысли. Снаружи ветер выл так, что ветки стучали по крыше. Энджи думала о палате, запирающейся снаружи, в которой они утром оставили мать, о санитарях в белых халатах, о недоумении и страхе в глазах Мириам.

Энджи взяла бокал с соком, отпила и откашлялась:

– Слушай, пап, а когда ты понял, что с ней не все в порядке?

Отец отозвался, не поднимая глаз:

– Довольно давно.

– В каком возрасте у нее впервые появились симптомы?

Он пожал плечами, отковыривая с пиццы кружок маслины.

– Шизофрения – это же наследственное заболевание, – продолжала Энджи. – Она поражает менее одного процента населения, но если болен один из родителей, вероятность возрастает до десяти процентов... – Она ожидала ответа, но отец молчал. – Поэтому я и спрашиваю, когда ты впервые что-то заметил и почуял неладное...

Отец отодвинул маслину на край тарелки.

– Папа!

Джозеф Паллорино вытер рот и аккуратно свернул белую льняную салфетку так, чтобы пятна от оранжевого сыра и томатной пасты оказались внутри, после чего задвинул салфетку под край тарелки.

– Она уже давно принимает лекарства, Энджи, чтобы болезнь не прогрессировала. Первые галлюцинации начались лет в тридцать пять. – Он поднял голову. – Сперва мы списывали все на пережитый стресс после той аварии в Италии. – Он долго молчал. Огонь в камине посте-

пенно угасал, лишь изредка выбрасывая желтый язычок. – Образы, звуки, запахи могут вызывать яркие воспоминания, которые можно принять за психотические галлюцинации. Отрешенность, апатия, замкнутость, вялость – врач говорил, это признаки посттравматического стрессового расстройства. – Отец выглядел подавленным, будто кости его большого скелета надломались где-то внутри. Он вздохнул. – Официально шизофрению ей диагностировали в сорок два года. В легкой форме, легко купируется лекарствами. Мы и купировали. – Он сделал паузу, и в глазах появилось непривычное отстраненное выражение. – Но в сочетании с ранней деменцией... – Он не договорил. Энджи знала, что мать в одночасье утратила всякую связь с реальностью, и ее пришлось поместить в лечебницу, потому что Мириам стала опасна для себя самой.

Энджи подождала, пока отец снова поднимет глаза.

– А расскажи мне о первых галлюцинациях.

– Слуховые и визуальные, – коротко ответил отец.

– То есть она слышала голоса и видела то, чего нет?

– Сперва она даже не подозревала, что это галлюцинации, и не волновалась.

У Энджи забилося сердце.

– И ты мне ничего не сказал? Она столько лет болела, а я ничего не знала?

Отец отодвинул тарелку в сторону.

– Ты бы все равно ничего не заметила, ты же здесь почти не бываешь.

У Энджи двинулись желваки.

– Но сказать-то ты мог!

– Зачем?

– Знай я, что творится у нее в голове, не срывалась бы на вас, чаще приезжала бы. Не принимала бы ее отчужденность близко к сердцу. Поняла бы наконец, почему ребенком я постоянно чувствовала себя третьей лишней.

– Лишней?

– Для вас двоих.

– Ерунда какая. Все дети...

– О чем еще ты мне лгал?

– Это не ложь, Энджи...

– Умолчание – все равно что ложь.

Отец поднялся на ноги – горячий итальянский темперамент раздул его грудь, окрасил щеки, метал молнии из глаз.

– Черт побери, почему ты вечно злишься из-за всего подряд! – Отец наставил на дочь указательный палец: – Это все твоя работенка! Из-за нее ты подозреваешь всех вокруг!

Энджи, не двинув бровью, встала, собрала тарелки и приборы и сказала:

– Мне пора ехать. Посуду вымою.

Отнеся тарелки в кухню, она с грохотом свалила их в раковину и постояла с опущенной головой, упершись руками в столешницу. Тревога стиснула виски. Как отец останется один в этом большом пустом доме на берегу океана, тем более в Рождество? Как же Энджи ненавидела всю эту праздничную мишуру! Ей вообще претил любой фарс.

Чувство вины тяжело легло на плечи. Стало стыдно за свой эгоизм: нехорошо забывать родителей, а у нее не было ни времени, ни желания приезжать. Только отцовских нотаций ей не хватало! Но теперь она ему необходима.

В январе у родителей юбилей свадьбы...

Стареющие родители, возрастные родственники – это всегда нелегко: столько любви, боли и острой жалости перепутано в один клубок, а сейчас добавилось еще и ощущение упущенного времени – утекло, как вода под мост, непонятно когда. Теперь уже поздно – матери нет. Нет как прежней личности. Глубоко вздохнув, Энджи начала отмывать тарелку, успокаивая

ваясь от прикосновений пальцев к синей цветочной кайме. Память, как ярко-желтый солнечный луч, осветила прошлое: этот сервиз они с матерью покупали осенью в большом старом «Хадсон-бей компани». Мама обожала этот супермаркет – может, в минуты просветления и до сих пор любит, но вспомнит ли она тот день и сервиз с васильками, который выбирала вместе с дочерью?

Это было восемь лет назад. Машина Мириам была в ремонте, и Энджи пообещала отвезти мать в центр, но голова была занята текущим расследованием – ее тогда только повысили до детектива, а мать всю дорогу причитала, что прекрасный столовый сервиз из тридцати двух предметов наверняка кто-нибудь увел у них из-под носа. Энджи бесила одержимость матери всякой ерундой.

И вдруг дальше жизнь пошла без нее. Однажды Энджи проснулась утром, а матери нет – ушла в себя, и драгоценные воспоминания стерлись с ее жесткого диска. А ведь воспоминания определяют суть, «самость» человека. Забыв себя, видишь в зеркале лицо незнакомца, становишься мухой, бьющейся в липкой паутине постоянного настоящего, без единой вехи в будущем или прошлом...

Энджи с усилием прогнала эту мысль, вымыла вторую тарелку и поставила на сушку. Вытерев руки, вернулась в гостиную за курткой.

Отец сидел у камина – крупное тело обмякло в старом кожаном кресле, которое мама давно требовала выбросить. Но допотопное страшилище так и осталось в углу у камина, словно остов динозавра на фоне кремовой мягкой мебели. Отец успел включить елочную гирлянду, а на столике красовался толстостенный бокал с виски. В камине ярко тлели угли. Опустив голову, Джозеф Паллорино листал старый альбом с фотографиями. Энджи подошла сбоку, положила руку на плечо отца и легонько сжала:

– Пап, ты один справишься?

Он кивнул, не отрывая взгляда от семейного снимка, сделанного в первое Рождество после аварии, в которую они попали в Италии, во время академического отпуска Джозефа Паллорино. Энджи на фотографии четыре года. Об аварии напоминает ярко-розовый свежий шрам, оттягивавший кверху левый уголок рта: снимок был сделан еще до того, как операция вернула губам нормальную (но не идеальную) форму.

Отец перевернул страницу: а вот шестилетняя Энджи с мамой. Весна, зеленая трава, вишни в цвету. Заходящее солнце окружает медным нимбом пшеничные волосы Мириам, а головка Энджи блестит, как полированный красный кедр. Ирландское наследство О’Деллов, мамины гены.

В груди Энджи все сжалось.

Отец поднял глаза, и на долю секунды его лицо неуловимо и незнакомо изменилось.

– Забирай себе, – сказал он, закрывая альбом.

– Ой, пап, мне, наверное, не нужно. – У нее нет времени сидеть и рассматривать кусочки жизни, остановленные мгновения, хранимые под пластиковыми клапанами на толстых страницах фотоальбома; у нее на носу очередной экзамен в Национальном институте юстиции! Она прослушала чуть не все дополнительные курсы, чтобы заявление о переводе в элитный убойный отдел выглядело солиднее.

– Пожалуйста! – Голос отца стал напряженным. – Увези его отсюда вместе с той коробкой, Котёна, хотя бы на время. Чтобы я не смотрел...

Сердце Энджи споткнулось – Котёной отец ее не называл лет с десяти. Она присела на оттоманку, взяла из больших отцовских рук книгу воспоминаний в кожаном переплете и открыла на первой странице. Вот мама беременная, живот все больше и больше. Вот день, когда родилась Энджи.

– Здесь твоя жизнь с той минуты, как Мириам узнала, что скоро у нас будешь ты. Мне сейчас слишком больно на это глядеть.

Энджи смотрела на фотографию матери в роддоме, в голубом халатике и с новорожденной на руках – она и родилась-то уже с темно-рыжими волосиками.

– Ты была такой крошечной, – прошептал отец, отвернувшись к угасающим углям. Энджи слышала, как от эмоций у него прерывается голос, и знала, что сейчас в глазах отца стоят слезы. Ей вдруг стало трудно дышать.

Она открыла следующую страницу. День ее крещения – малышка в длинном белом кружевном платье на руках у мамы с папой, а рядом священник в богато вышитой ризе. А вот фотография, сделанная на пляже. Энджи перевернула несколько страниц – воспоминания рвали сердце. Отдышавшись, она мягко коснулась снимка, почти слыша мамин голос в тот день и чувствуя, как теплый ветерок гладит щеки. На языке возник густой сладкий вкус мясистых черешен из долины Оканаган. Энджи медленно стала листать дальше. Семейные праздники, первый день в школе, конфирмация, вот она учится управлять яхтой в летнем лагере, выпускной бал, окончание полицейской академии.

На снимке Энджи в новенькой полицейской форме, а Мириам с развевающимися на ветру длинными волосами гордо выпрямилась рядом.

Энджи обвела пальцем мамино лицо.

– Я буду по ней скучать.

– Мне ее уже не хватает, – отозвался отец.

Энджи закрыла альбом.

– На время возьму, – решительно сказала она. – А к Рождеству верну, договорились? Пап, какие у тебя планы на Рождество? Хочешь, я индейку привезу?

Черт, ну кто тянул ее за язык? Разве можно что-нибудь обещать в такое напряженное время! Извращенцы-насильники в праздники перерыва не делают – напротив, активизируются.

Отец потер лоб:

– Что-нибудь придумаю.

Огонь вдруг охватил недогоревшие поленья, и пламя весело запылало в камине. За окном завыл ветер.

Энджи кивнула:

– Не провожай. – Она встала и, поколебавшись, добавила: – Не налегай чересчур на виски, ладно? Ложись пораньше спать.

Отец кивнул, не глядя на нее.

– Спокойной ночи, пап.

Энджи отнесла коробки и альбом в машину. Ветер трепал волосы. С моря наползал густой туман. Слышно было, как внизу волны разбиваются о скалы.

Снег падал густо и косо.

Глава 2

Энджи ехала по открытому участку Далласского шоссе вдоль бухты Росс. Ветер лепил на стекла мокрый снег, волны с ревом бились о бетонный отбойник. Над бухтой висел туман. Подавшись вперед, чтобы что-нибудь разглядеть, Энджи сбросила скорость своей «краун вик»¹ без опознавательных знаков. «Дворники» метались, расчищая полукруглые арки в слое снега.

На шоссе натекла глубокая лужа морской воды, выплескивавшейся через бетонную стену. В лобовое стекло летели мелкий мусор и пена. Свет фар отражался от сплошного тумана и серебристой снежной пелены. Сразу за плавным широким поворотом на дорогу в вихре тумана и пены выскочило что-то розовое. Энджи ударила по тормозам – «краун вик» занесло на соленой луже.

Маленькая девочка в розовом платье остановилась прямо перед машиной, затем повернулась и исчезла в безлистой чаще стволов и веток – вдоль дороги рос густой кустарник.

Мокрая от пота, Энджи ошеломленно смотрела ей вслед. Тучи ненадолго разошлись, но ребенка нигде не было видно. Других машин на шоссе нет, кругом вообще ни души. Что за...

Съехав к обочине, Энджи включила мигалку и взяла фонарик. Вынув из специального отделения на консоли служебный «смит-вессон», Энджи вставила обойму. Синие и красные отблески пульсировали в плотном тумане. Сразу пришлось надеть капюшон – шквальный ветер лепил снегом с прежней яростью.

– Эй! – заорала она в белую мглу. – Кто здесь? – Ветер подхватил ее слова и унес в чащу перепутанных стволов и ветвей на краю старого кладбища, расположенного выше шоссе. Энджи охватило странное, жутковатое ощущение.

Она пошла вперед, освещая фонариком узловатые ветви.

– Э-эй!

Детский голос, мягкий и вкрадчивый, прошептал:

– Пойдем в рощу поиграть... Пойдем... играть...

Энджи замерла, но тут же обернулась как ужаленная.

– Пойдем в рощу... пойдем играть...

Жутковатое ощущение превратилось в кусок льда в груди. Энджи с трудом сглотнула, сделала еще несколько шагов, низко пригибая голову от снега с мелкими льдинками. Девочки нигде не было видно.

Вернувшись за руль, Энджи с силой потерла мокрое лицо ладонями. Некоторое время она сидела, вглядываясь в плотный туман, в котором плясали красно-синие сполохи. Ребенок не появлялся.

Розовое платье? Четыре-пять лет? Да какой же ребенок в такую погоду будет гулять один, да еще одетый в летнее платье? Разве можно расслышать шепот сквозь грохот волн и завывания ветра? Энджи заметила, что у нее дрожат руки.

Ей сразу вспомнились слова отца: «Впервые я понял, что у нее галлюцинации или бред, когда ей было лет тридцать пять. Мы списывали все на посттравматический стресс из-за той аварии в Италии...»

«Это от холода, – твердо сказала себе Энджи. – Я промокла и замерзла. Плюс хроническое переутомление – сказывается недосыпание».

Она толком не спала уже четыре ночи подряд, отсюда и тремор. Выключив мигалки, Энджи завела мотор и медленно поехала под шелканье «дворников».

Выпить. И чего-нибудь покрепче.

¹ «Форд Краун Виктория» – очень популярные в полиции США и Канады служебные автомобили. (Здесь и далее примечания переводчика.)

Необходимо решительно выбросить из головы всякую галиматью. Энджи взглянула на часы на приборной доске. Она обещала себе померить пыл, поэтому и взяла два выходных. Ей казалось, если заняться домом, настойчивое желание отпустит. Но теперь она знала, куда поедет и чем займется, пусть это и вызывало в ней внутренний отпор.

Она сделает то, что делала всегда при столкновении с непреодолимым препятствием, когда ничего не оставалось, кроме как примириться с обстоятельствами, – выпустит пар. От одной мысли об этом ей сразу стало легче.

Глава 3

Все люди лгут, и разделяют нас не более шести рукопожатий...

Едва незнакомец вошел в бар, как Энджи поняла: он-то ей и нужен.

Она медленно пила из своего бокала, не сводя глаз с незнакомца, а он шел по танцполу со сверкающим зеркальным шаром через толпу танцующих, расступавшуюся перед ним, как Красное море перед Моисеем. В его движениях чувствовалась властность. Ритмичное техно резонировало даже в барном стуле под Энджи; ее пульс бил в такт музыке.

Незнакомец остановился и огляделся, точно ища кого-то. Он возвышался над толпой на целую голову, и плечи у него были широкие. Свет бликами играл на волосах – волнистых и иссиня-черных, как вороново крыло. Кожа бледная, а глаза... Отсюда Энджи не могла разглядеть цвет, но отметила, что глаза глубоко посажены под широкими нависающими бровями. Волевое лицо, одновременно красивое и интригующее. У незнакомца был загадочный, слегка даже мистический вид – сквозь усталость проступало внутреннее напряжение.

В это мгновение он повернул голову и поймал ее взгляд.

Энджи ощутила томительный трепет: он здесь явно чужак, и атмосфера стриптиз-клуба тут ни при чем, но странность и даже неуместность его присутствия лишь подогревала интерес. Черноволосый смотрел на нее подчеркнуто долго и, когда Энджи не отвернулась, направился к ней. Она смотрела, как он приближается, и вдруг в ней проснулись тревожные звоночки. От низа живота по телу поднималась горячая волна. Энджи с трудом перевела дыхание.

Не думай, лучше отдайся ощущениям. Контролируй происходящее. Правило номер один: решаешь всегда ты.

Ночной клуб «Лис» был ее охотничьей территорией – на выезде из Виктории, возле шоссе № 1, которое проходило через горный перевал и практически пересекало весь остров. Снаружи «лисий клуб» был квадратным голым зданием, неуклюже ляпнутым на растрескавшейся парковке; большой рекламный щит с мигающими лампочками обещал проезжающим водителям развлечения для взрослых. Сегодня вечер был посвящен «Дискотеке 70-х» с Большим Плохим Джоном: зеркальные шары в стиле эпохи и тяжелые, перегруженные басами композиции. На длинной узкой эстраде за баром стриптизерши в высоких белых сапогах лакированной кожи, символических шортиках и серебристых париках изображали чувственную любовь со своими шестами. Сегодня с ними выступал и мускулистый танцор диско, словно облитый эластичным костюмом. Гибко, как волна, он пробирался между стриптизершами и их шестами, резко виляя бедрами в такт музыке и одной рукой указывая куда-то в небо, как в старом фильме «Лихорадка субботнего вечера».

– «Я еще жив – ха! Ха! Ха! Все еще жив...»

Да уж. История ее жизни – просто жить и потрахивать по ходу пару-тройку подходящих партнеров.

Энджи очень хорошо знала, что суть жизни и смерти заключается в сексе. Она уже успела убедиться, что людские сексуальные пристрастия отличаются многообразием – от «нормальных» до извращенных и даже смертельных. В «Лисе» секс предлагался во всем его разнообразии. Сюда приходили мужчины, чтобы купить секс. А Энджи может получить его бесплатно. Клуб «Лис» был ее личной версией русской рулетки, вызовом собственной смертности и болезненно очевидной тщетности любых усилий.

Ее фирменный способ «оставаться живой – ха! Ха! Ха!».

В принадлежащем клубу мотеле по другую сторону стоянки сдавались номера на час. Энджи уже заплатила за один сразу по приезде. Свет в клубе вдруг сделался приглушенным и сменился с красного на синий – зазвучала другая песня. Энджи залпом допила бокал, с облег-

чением ощутив приятное, расслабляющее опьянение, и жестом попросила бармена налить еще. В этот момент потенциальная добыча подошла к стойке.

Незнакомец улыбнулся, и Энджи незаметно втянула воздух: вблизи он еще лучше. Ее буквально скрутило от желания. Прекрасные белые зубы; чуть длинноватые резцы придают лицу что-то соблазнительно хищное. Морщинки веером расходятся от уголков синих глаз, казавшихся при таком освещении почти фиолетовыми. Ничего себе, какой красавец! Правда, вид у него малость потрепанный, но это ему ничуть не вредит.

У нее даже дух захватило.

Однако тревожная сирена на краю сознания взывала громче – экстренный случай, серьезная проблема. Энджи будто кто-то шепнул на ухо: «Не касайся. Он слишком красив для тебя. Чересчур высокая планка. Никогда не связывайся с тем, кто делает тебя хоть в чем-то слабее».

– Привет, – сказал незнакомец.

Энджи кивнула и отпила большой глоток водки с тоником, которую бармен только что поставил перед ней.

Контролировать происходящее. Уходить первой, сразу после секса. Не называть своего имени.

– Купить тебе выпить? – спросил незнакомец, положив правую руку на стойку и наклонившись к самому уху Энджи – от тягучих басов вибрировал весь клуб.

Она показала бокал:

– У меня есть.

– Тогда потанцуем? – Незнакомец смотрел ей прямо в глаза. Не моргнув, Энджи неторопливо отставила бокал и встала, оказавшись вплотную к незнакомцу. Он выпрямился, но не отступил. Энджи невольно взглянула ему в лицо. Синеглазый оказался еще выше, чем она ожидала, и шире в плечах.

– Может, сразу в номер? – в свою очередь спросила она.

Он заморгал, сразу насторожившись. Энджи улыбнулась – ее возбуждала собственная способность зажечь этот опасливый огонек в глазах мужчины: это смещало традиционный баланс сил. Она хорошо знала, что жертвами почти всегда оказывались женщины или дети, а насильниками неизменно выступали мужчины. Энджи пристально смотрела на него в ожидании ответа. Не дождавшись реакции, она подхватила со стула свою кожаную куртку и направилась через плотную толпу бурно отплясывавших к красной надписи «Выход», светившейся над задней дверью.

Его решение пойти за ней последовало быстро: незнакомец нагнал Энджи и схватил за локоть – чуть сильнее, чем надо. В ней плеснулся легкий страх – и словно разбудил, заставил очнуться. Энджи медленно вдохнула, успокаиваясь, и повернулась к незнакомцу. Сердце сбилось с ритма при виде искажившей лицо страсти, потемневших синих глаз.

– Что ты имела в виду? – требовательно спросил он.

– А сам как думаешь?

Не ослабляя хватки, он оглядел ее всю – груди, бедра, длинные ноги, черные байкерские ботинки. На шее у него забились жилки. Левой рукой незнакомец тронул длинные волосы, с явным удовольствием отметив их гладкость и тяжесть, и отвел темно-рыжий водопад в сторону, обнажив шею. Коснувшись ладонью нежной кожи, он обвел большим пальцем подбородок и щеку. У Энджи поплыло перед глазами, колени подогнулись. Незнакомец наклонился, и его губы оказались совсем близко от губ Энджи.

– Разве ты дешева? – прошептал он.

Ее веки затрепетали.

– Ты не доверяешь мне, потому что я веду себя свободно?

– Я никому не доверяю.

– Если не терпится расстаться с наличными, иди, снимай девиц у шеста. – Энджи сделала движение, чтобы уйти.

Но хватка незнакомца стала стальной.

– Прекрасно, – пробормотал он на ухо Энджи. – Пойдем.

Комнату мотеля освещал пульсирующий красный свет неоновой вывески над стоянкой, отчего жидкие занавески пылали, как быющее сердце или тигль в дьявольском подвале. Бум, бум, бум – от басов из клуба вибрировали тонкие стены в такт неоновым вспышкам. Сотрясались даже половицы. Где-то вдалеке взывала сирена – «Скорая», или полиция, или пожарная. Общество заботится о своих гражданах, поддерживая порядок.

Спинка кровати стучала о стену, когда Энджи скакала на незнакомце в такт музыке из клуба. Кровь в ней кипела, кожа блестела от пота. Он лежал обнаженный, на спине, пристегнутый пластиковыми наручниками к изголовью. Одежда валялась на старом ковре, ботинки – в разных углах. Глубоко впиваясь ногтями в кожу, Энджи занималась сексом яростно, задыхаясь и истекая потом, мотая тяжелыми грудями, вытравляя мысли последних месяцев... все, что не удалось сделать, чтобы спасти пострадавших детей... ее невсемогущество, ее бессилие... выгорание, неизбежное для сотрудников ее отдела... развращенность и гнусь, которые она видит не первый год... Только начинает казаться – ну уже все повидала, как жизнь подбрасывает новое, невиданное паскудство...

К счастью, природа одарила незнакомца большим членом, и Энджи с наслаждением наслаждалась на него до упора. Волосы на его груди были грубыми и темными, а тело ухоженное, кожа бледная, как алебастр или мрамор. Шедевр Микеланджело. В душе шевельнулось беспокойство, словно неслышный голос настаивал: «Тут что-то не то. Кто он? Зачем ему это нужно? Почему он ходит по таким забегаловкам, если женщины наверняка падают к его ногам, как спелые груши? На пальце нет обручального кольца, но на коже остался красноречивый бледный ободок. Отношения недавно закончились, но он это скрывает? Еще не отболело? Так или иначе, незнакомец ох как непрост. Он опытен и явно знает толк в интрижках, что же с ним не так, какие у него извращения?»

Прогоняя опасения, Энджи раздвинула бедра, глубже нанизываясь на член, и закачалась быстрее, делая себе больно, готовая вот-вот кончить. Почувствовав это, незнакомец начал поддавать бедрами вверх, яростно вонзая в нее свой член. Энджи попыталась приподняться, не дать ему полного удовлетворения, но застыла, напрягшись всем телом, точно окоченев и даже не дыша. Секунду она оставалась неподвижной в красных вспышках под аккомпанемент пульсации басов – и вдруг кончила: в глазах потемнело, в груди застрял крик, горячие волны пробегали по телу, сокращая и расслабляя мышцы. Она упала на незнакомца, ощутив нежными грудями жесткие курчавые волосы, однако он еще не разрядился: Энджи ощущала твердый член внутри содрогающейся, расслабленной себя.

В этот момент из куртки на полу послышалась знакомая мелодия – рингтон, который Энджи установила для Хольгерсена. Ну что за...

Думать получалось с трудом, но Энджи помнила, что сегодня она не на дежурстве. Она взяла два выходных, чтобы помочь отцу отвезти маму в лечебницу.

Телефон зазвонил снова. Энджи свесилась с кровати и зашарила по полу в поисках куртки.

– Брось, – хрипло, отрывисто приказал незнакомец. Под бархатистыми интонациями слышались жесткость и неожиданно властные нотки. – Освободи меня. Моя очередь.

На секунду она закрыла глаза. Включился автоответчик.

– Освободи меня!

Энджи обернулась и прочла в его глазах опасность. Телефон зазвонил снова. Значит, дело срочное – Хольгерсен не станет зря звонить. Энджи слезла с члена и босиком подошла к куртке. Отбросив с лица спутанные влажные волосы, она нажала «ответить».

– Да, – сказала она, не назвавшись. Не хватало еще палиться при мистере Большом Члене.

– Заканчивай вечеринку, Паллорино, – послышался голос Хольгерсена, он говорил с заметным акцентом. – У нас опять «Джейн Доу»². В больнице Сент-Джуд. Максимум лет восемнадцать, изнасилована и порезана. «Скорая» доставила с кладбища Росс Бей. Состояние критическое, ни на что не реагирует.

Энджи покосилась на мистера Большого Че: тот пристально смотрел на нее, напрягая слух; руки по-прежнему связаны над головой. Она повернулась к нему спиной и голая подошла к окну.

– А что, больше некому? – понизив голос, спросила она. – Сегодня же дежурят Дандерн и Смит.

– Весь отдел скопил какой-то желудочный грипп. Дандерн отказался – они со Смитом уже семьдесят два часа пашут без перерыва, к тому же они на другом вызове. – Он помолчал. – Дандерн сказал, тебе будет интересно – возможно, это твой маньяк с Фернихок и Риттер. Только на этот раз клеймо на лбу вырезали.

Энджи замерла: это же их с Хашем старые нераскрытые дела, заноза в боку ее прежнего напарника! Серийный насильник впервые попал в сферу их внимания четыре года назад, когда изнасиловал шестнадцатилетнюю Салли Риттер, а через год напал на четырнадцатилетнюю Эллисон Фернихок. Поймать подонка по горячим следам не удалось.

– Буду через двадцать минут.

– Ты что, в Штаты свалила или на велосипеде едешь?!

– Пока я приеду, сделай на месте что сможешь. Двадцать минут.

Она нажала отбой, схватила джинсы, сунула ноги в штанины и рывком натянула брюки до талии. Быстро набросила рубашку, собрала волосы назад и связала в хвост. Надев ботинки, Энджи подобрала куртку и остановилась, глядя на мужчину на кровати. Его пенис в презервативе блестел, даже не собираясь опадать. Как мило... Энджи скрутила томительная судорога. Она прошлась взглядом по телу своего недавнего партнера. Незнакомец внимательно следил за ней, будто анализируя, странно спокойный для человека, привязанного к кровати в чем мать родила. Энджи поглядела ему в глаза.

Он дернул подбородком:

– Мы не закончили.

Энджи облизала губы и вынула из заднего кармана нож «себенза-25», с которым не расставалась: самое острое лезвие, какое она видела. Открыв нож, она чуть нагнулась и провела по пластиковым стяжкам на запястьях незнакомца. Не отрывая от нее взгляда, он опустил руки. Запястья были красными, растертыми.

– Дашь свой телефон? – попросил он. – На следующий раз?

И снова Энджи ощутила странную тревогу – шестое чувство предупреждало, что в этот раз она откусила больше, чем сможет прожевать. Потому что ей хотелось еще. Этот тип оказался первой дозой мощного наркотика, вызывающего мгновенное привыкание. Энджи это не понравилось – она избегала привязанностей. Один раз она уже совершила такую ошибку.

«Решайся. Он же как лекарство от всех забот...»

Энджи колебалась. Еще один разок не повредит? Или же... Шагнув к маленькому столику у кровати, она написала номер личного сотового на листке тощего блокнота мотеля (одноразовый телефон, от которого можно избавиться в любой момент) и направилась к двери, на ходу натягивая куртку.

– Как тебя зовут, принцесса воинов? – спросил сзади незнакомец.

Уже взявшись за ручку двери, Энджи остановилась. Дьявол на левом плече шепнул: «Ты справишься. Ты остановишься в любой момент, когда захочешь».

² То есть неизвестная, без документов. Неизвестного мужчину Хольгерсен назвал бы Джоном Доу.

Она всего лишь человек, ей тоже хочется личной жизни. Ведь никому не запрещено иметь отношения, лишь бы они не выходили из-под контроля.

– Энджи, – ответила она. Возникла пауза. – А тебя?

Он медленно улыбнулся. Один уголок рта пополз чуть выше другого.

– У меня есть твой телефон, – сказал он. – Энджи.

Глава 4

Куда бы он ни шагнул, чего бы ни коснулся, что бы ни оставил нечаянно, неосознанно, – все станет безмолвным свидетельством против него. Каждый контакт оставляет след.

Локаровский принцип обмена

Воскресенье, 10 декабря

Снег шел крупными хлопьями, кружась между городскими домами и бея ночные улицы. Было три часа утра, когда Энджи выключила мотор: дворники в последний раз проделали глупые арки на залепленном снегом стекле. Со смутной неприязнью она покосилась на освещенные витрины с товарами, выставленными по случаю Рождества. В старой, туристической части города улицы были увешаны светящимися гирляндами. На другом берегу гавани здание законодательного собрания, обведенное светящимися трубками, сияло не хуже Диснейленда, отражаясь в черной воде. Из радиоприемника зазвучали «Серебряные колокола» в классическом исполнении Билла Кросби:

– «Городские прохожие, одетые по-праздничному...»

Энджи раздраженно ткнула в кнопку переключения станций.

– Вновь избранный мэр Джек Киллион и его кабинет будут приведены к присяге во вторник...

Она выключила радио.

Кое-где на газонах еще остались плакаты «Голосуйте за Киллиона», хотя после муниципальных выборов прошло уже две недели. Киллиону удалось потеснить нынешнего мэра Патти Маркхэм с преимуществом всего в восемьдесят девять голосов, и теперь приходилось ожидать «новой метлы», которая метет чисто и жестко, требуя от полиции решительных действий и отсутствия мягкотелости. Да здравствует демократия... Если Киллион не изменит своим предвыборным трескучим речам, он возьмется за дело со вторника, когда вместе со своими советниками официально вступит в должность.

«Вернем городу былое величие!»... Для Энджи и ее коллег это означало, что вспыльчивый начальник управления полиции станет еще невыносимее от киллионовских обещаний радикальных перемен. В столичной уголовной полиции и без того царил сложная, тягостная атмосфера вечных перепалок по поводу криминальных сводок, бюджета, надбавок за сверхурочные, расходов на содержание персонала и процента раскрываемости. В довершение всего ходили слухи, что полетит голова самого шефа Гуннара, а на его место поставят кого-нибудь из киллионовских лакеев.

Энджи пристроила машину возле готического собора Св. Оберна, темной тенью нависавшего над простенькими зданиями католической больницы. Вынув из сейфа на консоли служебный пистолет, Энджи убрала его в кобуру под курткой, натянула маленькую черную шерстяную шапку и вышла из машины. Быстрым шагом она направилась к запасному выходу, над которым светила красная вывеска. Горгульи с собора следили за Энджи каменными глазами.

Хольгерсен ссутулился на оранжевом пластмассовом стуле у сестринского поста. Он походил скорее на едва очухавшегося уличного наркомана, чем на опытного детектива. При виде Энджи он сразу поднялся во все свои тощие сто девяносто сантиметров.

– Что так задержалась-то, Паллорино?

– Где она?

Хольгерсен секунды две поглядел на напарницу и показал пальцем себе под глаза:

– У тебя тушь потекла.

– Я спрашиваю, где она? Что у нас есть? Личность удалось установить?

– Пока в операционной, но уже переводят в реанимацию. Дежурная сидит наверху, она нам все и расскажет – их машина выезжала на вызов. На кладбище Росс Бей они приперлись одновременно со «Скорой».

– Жертва приходила в сознание?

– Не-а. – Хольгерсен зашагал к лифту, на ходу отсалютовав медсестрам двумя пальцами. Энджи нагнала его. Больничный запах антисептика, всегда необъяснимо раздражавший ее, сегодня отчего-то особенно действовал на нервы.

Хольгерсен нажал кнопку вызова.

– Один из медиков сказал, что в машине они ее дважды теряли.

– То есть?

– В том смысле, что она умирала, а они ее откачивали. Дважды.

В лифте Энджи, глядя на неровное отражение в полированном металле, попыталась оттереть тушь под глазами. Хольгерсен молча смотрел на нее.

– В чем дело? – не выдержала Энджи. – На улице снег, вот тушь и потекла.

– Я молчу.

Хотя он вполне мог сказать: «Ага, за три недели, которые мы вместе работаем, я ни разу не видел тебя с накрашенными ресницами». Несмотря на внешность недавно слезшего с иглы наркомана, Хольгерсен отличался редкой наблюдательностью и острым умом. Он оценивал Энджи с первого дня работы, складывая из кусочков картину и составляя свое представление о напарнице.

Он много лет проработал в отделе по борьбе с наркотиками на севере провинции, откуда был родом, и в столице, неоднократно участвовал в операциях под прикрытием. Его ленивая манера говорить и своеобразный лексикон могли обмануть кого угодно, и Энджи подозревала, что Хольгерсен делает это нарочно. Зато его можно было терпеть, в отличие от козла, которого ее пытались навязать в напарники после Хаша. К тому же Хольгерсен к ней прислушивался (довольно часто), и Энджи это нравилось. А больше она о нем практически ничего не знала – не человек, а закрытая книга. Впрочем, она и не любопытствовала, чтобы, в свою очередь, не пришлось откровенничать.

При виде детективов женщина-полицейский, ждавшая в коридоре, быстро поднялась со стула. Иногда Энджи казалось, что она и сама лишь вчера работала патрульной, а порой готова была поклясться, что прошло полжизни.

– Детектив Паллорино, отдел по борьбе с сексуальными преступлениями, – представилась Энджи. – Это Хольгерсен.

– Констебль Тоннер, – отозвалась патрульная, открывая блокнот. – Мы с моим напарником Хикки первыми ответили на вызов. Я сопровождала потерпевшую в машине «Скорой» и с тех пор сижу здесь. Хикки остался на кладбище, охранять место преступления и опрашивать свидетелей.

И на том спасибо.

– А где потерпевшая?

– Ее только что перевели в отделение интенсивной терапии.

– Кто вызвал полицию? – спросила Энджи.

– Гид, который проводил экскурсию по местам обитания призраков, – сверившись с блокнотом, ответила Тоннер. – Некто Эдвин Лист. Он с группой из четырех человек наткнулся на девушку, лежавшую среди могил, и позвонил на 911.

– Экскурсия? В такую погоду? – не поверил Хольгерсен.

Энджи покосилась на него, вспомнив виденье, мелькнувшее на шоссе, когда она ехала мимо кладбища.

– Видимо, именно в такие ночи показывается небезызвестный призрак дамы, – сказала Тоннер. – Мы приехали, когда врачи «Скорой» уже работали с пострадавшей. Вся мокрая, ну,

естественно, переохлаждение, без сознания, кровотечение из раны на лице и в области вагины. Юбка была задрана на живот, колготки разорваны либо распороты в районе промежности, ноги широко расставлены. Но сапоги остались на ней.

Несколько секунд все молчали.

Энджи откашлялась.

– Нам нужны фамилии и данные врачей «Скорой», Листа и его клиентов.

– Вот, у меня есть. Хикки проверил документы у экскурсантов и снял с них показания.

– Где ее одежда? – спросила Энджи.

– Опись составлена, одежда убрана в пакеты. – Констебль Тоннер кивнула на бумажные пакеты для вещественных доказательств у нее за спиной. – Сапоги «Франческо Милано», юбочка тоже брендовая...

– Никаких документов, кошелька, телефона?

– Ничего.

– Биологические следы полового акта собраны?

Сзади раздался резкий женский голос:

– Перед нами стояла задача прежде всего спасти пациентку.

Все обернулись. По коридору к ним шла врач в зеленом хирургическом костюме – высокая, с чистым, волевым лицом. Глаза ясные, но в морщинках от усталости и напряжения.

– Доктор Руфь Финлейсон, – протянула руку хирург. Ее рукопожатие оказалось неожиданно твердым.

– Энджи Паллорино. А это Кьель Хольгерсен.

– Если пациентка в бессознательном состоянии, при наличии признаков сексуального контакта всякий раз возникает этическая проблема, – продолжала доктор Финлейсон. – Сбор биологических следов без согласия пациентки может усугубить у нее ощущение беспомощности, когда она придет в себя. Однако у меня есть необходимая квалификация для проведения этой процедуры, а политика больницы допускает определенную свободу действий с целью сбора улик, если это проводится при оказании неотложной помощи. Поэтому мы сделали что смогли. Обычно собранные материалы мы храним у себя, пока не будет получено согласие на их передачу полиции у пациентки либо у ее представителя – родственника или опекуна. Или же у судьи.

– Это все мы знаем, – перебила Энджи. – Как пострадавшая? Мы можем ее увидеть?

Руфь Финлейсон пару секунд посмотрела ей в глаза и вздохнула.

– Сюда, пожалуйста. – Ведя их по коридору, она оглянулась через плечо: – Не могли бы вы выключить мобильные телефоны? Их сигналы могут нарушить работу наших приборов.

Энджи с Хольгерсеном послушно выключили телефоны перед палатой интенсивной терапии и вошли через отодвинутую врачом раздвижную дверь.

Вокруг попискивали и шипели приборы. Внимание Энджи сосредоточилось на девушке, лежавшей на койке. Кислородные трубки пластырем приклеены у рта, к рукам тянутся трубки поуже, в них что-то часто капает. Датчики прикреплены к рукам, к груди. Лоб прикрыт свободной повязкой. Брюнетка, совсем молоденькая. У кожи какой-то странный оттенок.

– А почему она синяя? – спросил Хольгерсен. – От холода, что ли?

– Цианоз, – тихо ответила доктор Финлейсон, не отрывая взгляда от пациентки. – Так бывает, когда кислорода в крови опасно мало. Ее привезли с остановкой сердца – чудо, что она вообще жива. Через двадцать четыре часа можно будет делать какие-то прогнозы. Но даже если она выживет, в мозгу, скорее всего, уже произошли необратимые изменения. Когда утонувшие поступают без сердцебиения, от тридцати пяти до шестидесяти процентов умирают в реанимации, а выжившие почти всегда остаются инвалидами.

Энджи и Хольгерсен одновременно повернули головы к Финлейсон.

– Утонувшие?! – с удивлением переспросила Энджи.

– Ее погружали в воду. Обычно в начале утопления происходит рефлекторный спазм гортани и перекрывается доступ воды и воздуха в легкие. В десяти-двадцати процентах случаев гипоксемия – пониженный уровень кислорода в крови – становится результатом длительного ларингоспазма. Это называется сухим или мнимым утоплением. Но в ее случае присутствовала вода – спазм прошел, и некоторое количество воды попало в легкие.

Энджи некоторое время смотрела на Финлейсон, затем перевела взгляд на Хольгерсена:

– Ее что, нашли у воды?

– Возле Росс Бей нет ни реки, ни пруда. Только океан через дорогу от кладбища.

– Вода не морская, – вмешалась врач. – Физиологические механизмы гипоксемии при утоплении в соленой и пресной воде разные. Пресную воду в легкие затягивает за счет осмоса, кровь разжижается, развивается гиперволемия, начинается разрыв эритроцитов. Уровень кальция резко возрастает, а концентрация ионов натрия и хлора падает, изменяя электрическую активность сердца. В результате наступает желудочковая фибрилляция, и спустя две-три минуты сердце останавливается. А осмотическое давление у соленой воды и крови примерно одинаковое, поэтому кровь, наоборот, сгущается и сердце начинает усиленно работать. Остановка наступает только через восемь-десять минут. Однако пострадавшая в любом случае тонула.

Энджи подошла ближе к кровати, и ее сердце сжалось. Совсем ребенок, на вид лет пятнадцать, как Эллисон Фернихок или Салли Риттер. Правда, в отличие от них, довольно пухленькая... Волосы со следами засохшей крови приглажены наверх, сам лоб закрыт повязкой. Кожа вокруг рта красная, воспаленная.

Энджи внимательно оглядела пострадавшую. Фиолетовые следы веревки на шее и запястьях. Сорванные ногти, некоторые буквально вырваны с мясом. Один палец в металлической лангете. На предплечьях – множественные ссадины и кровоподтеки. Значит, сопротивлялась. Боролась за жизнь.

– Можно увидеть рану на лбу? – тихо попросила Энджи.

Врач поколебалась, сжав губы, но осторожно приподняла повязку.

Разрезы почистили и зашили, но было видно, что это идеально ровное распятие, причем нижний край креста заканчивался точно между бровей.

– Разрез глубокий, до лобной кости, сделан тонким лезвием, – пояснила доктор Финлейсон. – Вроде бритвы, скальпеля или, знаете, такого канцелярского ножа с выдвигающимся лезвием.

Энджи бросило в жар: у Фернихок и Риттер были такие же кресты на лбу – совпадали и размер, и форма, да и конец креста приходился между бровей, но у прежних жертв распятия были нарисованы красным несмываемым маркером, а не вырезаны на коже. Энджи нагнулась, чтобы получше рассмотреть волосы надо лбом. Сердце забилося чаще, когда она нашла то, что искала.

– У нее сострижена прядь посередине.

– Дандерн не ошибся, – прошептал Хольгерсен. – Он не только вернулся, но и развернулся.

– Если это он, – оборвала его Энджи. – Я предпочитаю подождать с выводами, пока у нас не будет убедительных доказательств.

– Да пожалуйста, придержу свои глупые замечания при себе.

– Следы проникновения? – спросила Энджи у врача. – Этот ублюдок оставил свою визитную карточку?

– Семя заметить не удалось, но вообще трудно сказать из-за кровотечения. – Финлейсон поглядела Энджи в глаза: – Гениталии изуродованы тем же лезвием. – Врач поколебалась и добавила, причем в глазах появился нехороший огонек: – Ей сделали обрезание.

У Энджи кровь отхлынула от лица:

– То есть?!

– Отрезаны капюшон и головка клитора и малые половые губы.

Энджи чувствовала, как сердце точно молотом бьет изнутри о ребра.

– Нужно провести подробное медицинское обследование, – быстро сказала она. – Фотографии...

– Мы все сфотографировали и задокументировали во время операции, детектив. Мы собрали все выделения, взяли образцы крови, соскобы из влагалища, слюну, все из-под ногтей. А вам нужно выполнить ваш долг и найти ее ближайших родственников, пока мы ее не потеряли. – Лицо врача напряглось, пока она говорила, и Энджи узнала искажившую черты тихую, едва сдерживаемую ярость. Энджи, не всегда умевшая держать себя в руках, сразу чувствовала такие вещи. Именно эта агрессивная энергия привела ее на работу в отдел по борьбе с сексуальными преступлениями и заставляла лезть из кожи вон, чтобы перевестись в убойный.

– Обещайте мне, – еле слышно сказала врач, – обещайте, что вы арестуете этого выродка.

Во рту у Энджи пересохло. На языке ощущался противный вкус водки, выпитой в клубе. Дверь палаты резко отодвинулась, и на пороге появилась медсестра:

– Доктор Финлейсон, доктор Нассим хочет срочно переговорить с вами.

Врач извинилась и вышла.

Энджи снова повернулась к «Джейн Доу» и осторожно тронула ее за руку. Кожа была холодной как лед. Энджи перевернула синеватую кисть ладонью вверх. На мякоти отчетливые следы порезов – хваталась за лезвие. Самые глубокие были зашиты.

Кто это сделал с тобой? Как ты очутилась на кладбище? Зачем тебя туда понесло в такую погоду, да еще ночью?

– На ногтях-то был гелевый маникюр, – заметил стоявший рядом Хольгерсен. – Мелирование тоже свежее. Она следит за собой, гордится своей внешностью. А сапожки-то, «Франческо Милано», тянут больше тысячи зелененьких.

Энджи взглянула на него снизу вверх:

– Откуда ты знаешь?

– Я много чего знаю, Паллорино.

Она рассматривала его бородку, бледные впалые щеки, беспокойный взгляд. Насколько они знают друг друга? Насколько вообще возможно узнать человека?

– Я только говорю, – продолжал Хольгерсен, – что у нашей девочки мегадорогие вкусы и соответствующие средства. Она не какая-нибудь бездомная наркоманка, ее будут искать.

Энджи кивнула, повернулась и пошла к двери.

– Мы куда-то едем, Паллорино? – поинтересовался Хольгерсен, выходя за ней в коридор.

Энджи достала телефон. Толкнув двери на выходе из отделения интенсивной терапии, она набрала дежурного. Тоннер по-прежнему ждала в коридоре. Энджи пошла к патрульной, прижимая телефон к уху.

– Паллорино! – окликнул ее Хольгерсен. – Что происходит, куда мы?

– На кладбище, – бросила Энджи, едва повернув голову. – И мне там нужны эксперты.

– В темноте? – поинтересовался он, нагнав Энджи.

– Начнем, как только рассветет. Если затянем, снег и ветер уничтожат последние следы. – Слушая гудки в трубке, она обратилась к Тоннер: – Отвезите мешки в лабораторию и проследите, чтобы порядок передачи и условия хранения были строго соблюдены... – Трубку сняли.

Энджи попросила немедленно прислать криминалистов на кладбище Росс Бей, затем позвонила в отдел поиска пропавших и оставила сообщение с описанием пострадавшей, спросив, не заявляли ли об исчезновении подходящей по приметам девушки. Потом оставила сообщение для дежурного сержанта отдела надзора за рецидивистами с просьбой проверить, не поселились ли в Виктории ранее судимые за соответствующие преступления. Если это серийный насильник из старых дел с распытием, о нем три года ничего не было слышно... либо

же информация о его преступлениях не просочилась в печать. Утром нужно будет заставить дежурного еще раз проверить по «Виклас», базе данных по преступлениям, не зарегистрировано ли где похожих нападений. Энджи шла к лифту, говоря по телефону, и шаги в байкерских ботинках отдавались оглушительным эхом в стерильном больничном коридоре. В ней кипели давно копившиеся ярость и адреналин.

На этот раз она его возьмет. Прижмет мерзавца к ногтю. Она сделает это ради Хаша. Ради этой докторши. Ради всех потерпевших, которые не могут ничего сказать. Энджи зло ткнула в кнопку лифта.

– А мы с тобой еще напарники, Паллорино? – поинтересовался Хольгерсен, подходя сзади.

– Что?

Дверцы разъехались.

Энджи вошла, но Хольгерсен неожиданно цепко ухватил створку, не давая закрыться.

– Я говорю, мы еще напарники?

– Ты едешь или нет?

Он прошелся взглядом по ее костюму и медленно ступил в кабину, позволив дверцам закрыться. Лифт опускался, Хольгерсен смотрел, как одна за другой загораются кнопки этажей.

– Тушь у тебя все равно размазана. – В уголках его рта шевельнулся намек на улыбку. – Лайт-версия Элис Купер. Но тебе идет, особенно для поездки на кладбище. Темная сторона и все такое... – Он повернулся к Энджи: – Все мы в зеркале видим призраков, да, Паллорино?

Взглянув ему в глаза, Энджи уловила некий вызов.

– Значит, наша пострадавшая пошла и утонула, – подытожил Хольгерсен. – Теперь дело передадут в отдел убийств.

Энджи промолчала.

– Насколько я знаю, если клиент обречен, то это покушение на убийство, и отдел...

– Расследование ведем мы, – отрезала Энджи. – Врач не сказала, что пациентка не выживет, она лишь предупредила, что все решится в ближайшие сутки.

Лифт зажужжал и, вздрогнув, остановился.

– Это дело мы в убойный не отдадим, – добавила Энджи.

Хольгерсен на секунду поднял на нее глаза:

– Почему у меня ощущение, что работа с тобой не окажется синекурой?

Белая вспышка света, в которой снежные хлопья показались серебристыми, ослепила детективов на выходе из больницы. За ней последовала новая.

– Черт, – сказал Хольгерсен, прикрывая глаза ладонью. Из тени с большим фотоаппаратом в руках выскочила миниатюрная женщина в огромном дождевике. – Опять эта питбулиха из таблоида...

– Детективы! – запыхавшись, сказала репортерша. Ее щеки были розовыми от холода, лицо под козырьком черной шапки – мокрым. – Мерри Уинстон, криминальный репортер «Сити Сан»...

– Что вам нужно? – перебил Хольгерсен.

Она навела на него камеру и щелкнула снова.

– Господи, – вздохнул Хольгерсен, оттолкнув фотообъектив буквально от лица. – Такие, как вы, когда-нибудь спят?

– В Сент-Джуд находится девушка, ставшая жертвой жестокого изнасилования. Ее нашли ночью на кладбище Росс Бей. Какие подробности вы можете сообщить?

Энджи и Хольгерсен переглянулись.

– Вы что, в три утра в воскресенье слушаете полицейскую волну? – поинтересовался Хольгерсен. – Личной жизни вообще нет, что ли?

– А я проезжала мимо Росс Бей и увидела «Скорую», врачей и девушку. Затем приехала патрульная машина, и двое полицейских долго говорили с экскурсионной группой, которой подавай призраков... Я сделала фотографии, я точно знаю – жертву привезли в эту больницу, а теперь приезжаете вы – отдел сексуальных преступлений. Вы уже установили ее личность? Сколько ей лет? Что произошло? Преступник все еще на свободе? Другие девушки тоже в опасности?

Энджи испепелила ее взглядом и пошла к своей машине.

– В каком она состоянии? – кричала сзади репортерша. – Она жива, раз ею занимались врачи? Что она делала на кладбище? У вас есть подозреваемые? Что говорит новый мэр, как очередное изнасилование вяжется с обещанным закручиванием гаек?

Энджи дошла до своей «краун вик» и открыла замок, пискнув пультом.

Мерри Уинстон нагнала детективов, тараторя:

– Слушайте, я все равно буду писать на том материале, что у меня есть, поэтому...

Энджи обернулась. Репортерша замолчала и попятилась.

– Придержите свои снимки, – тихо сказала Энджи прямо ей в лицо. – Не спешите со статьей. Тогда мы... дадим вам эксклюзив.

– Надолго придержать?

– Хотя бы пока мы не сообщим родственникам.

– Значит, вы все-таки установили ее личность?

– Да, – солгала Энджи.

– Это Аннелиза Йенсен, студентка, пропавшая две недели назад?

– Хольгерсен, ты едешь? – Сев за руль, Энджи громко захлопнула дверь и стянула мокрую шапочку. Хольгерсен, чертыхнувшись, опустил на пассажирское сиденье.

– Чертова кукла, бежит впереди паровоза... Думаешь, она обождет со статьей?

– Нет. – Энджи завела мотор и выехала со стоянки.

– Наша «Джейн Доу» совершенно не подходит под описание Аннелизы Йенсен, это ты могла смело сказать.

– Я не общаюсь с прессой.

– Ты же только что пообещала эксклюзив!

– Чтобы она заткнулась, черт бы ее побрал!

Хольгерсен выругался и уронил голову на подголовник. Дворники скрипели. Спустя несколько минут он вдруг сказал:

– А она довольно красивая со своими черными «колючками» и бледной кожей. Если бы не скверные зубы...

– А ты откуда знаешь про волосы колючками? Она же в шапке!

– Не первый раз ее вижу.

– Вот не знала, что ты предпочитаешь подобных женщин, Хольгерсен.

– О-о, Паллорино становится любопытной!

Раздражение заставило Энджи стиснуть руль.

– Кто-то слил ей информацию. Сама она не могла столько разнюхать.

– Это не я! Ты же слышала, она сидела на полицейской радиоволне!

– Да нет, это *ты* сказал, что она слушала радиопереговоры наших...

Глава 5

Святая Мария, Матерь Божья, молись за нас, грешных, сейчас и в час смерти нашей, аминь.

Одна из патрульных принесла Энджи кофе из соседнего «Севен Элевен»:

– Со сливками и без сахара.

Энджи рассеянно отхлебнула, силясь уяснить, как и что здесь произошло вчера вечером. Брезжил рассвет. Было очень холодно, небо затянуло тучами. С моря напал туман, окутывая узловатые кладбищенские деревья. Все входы были перекрыты желтой полицейской лентой, трепетавшей на ледяном ветру.

Кладбище Росс Бей, основанное в конце девятнадцатого века, отличалось старейшим в Британской Колумбии ландшафтным дизайном формального стиля. Энджи знала это от отца: Джозеф Паллорино считал Росс Бей превосходным образцом некрополя Викторианской эпохи с широкими, плавно изогнутыми дорожками, редкой флорой и великолепными изваяниями из мрамора, гранита и песчаника, охраняющими покой усопших.

Энджи заказала переносную палатку, которую разбили вплотную к кладбищенской стене с внешней стороны. Там разместятся эксперты-криминалисты со своим оборудованием.

Еще, по ее распоряжению, в соответствии с протоколом о сохранности вещдоков, организовали охраняемый участок для складирования и хранения любых находок, если таковые окажутся. Энджи, назначенная главным следователем по делу «кладбищенской девушки», торопилась как на пожар: дело, как справедливо заметил Хольгерсен, грозило вот-вот перейти в разряд убийств, и тогда придется приложить колоссальные усилия, чтобы расследование не передали в убойный отдел.

Она уже позвонила домой своему боссу, начальнику отдела по борьбе с сексуальными преступлениями сержанту полиции Мэтью Веддеру. Он одобрил ее просьбу о сверхурочной работе (при необходимости) и разрешил привлечь столько рядового состава, сколько понадобится, предупредив, что по возвращении в управление Энджи должна будет сдать подробный отчет.

Она уже отправила патрульных по району со списком вопросов. Большинство магазинов в торговом комплексе напротив были еще закрыты, но через пару часов и туда наведаются полицейские: кто-то из задержавшихся вчера продавцов мог обратить внимание на странное поведение прохожего, незнакомую машину, человека с тяжелой ношей или слышал женские крики. Одного патрульного Энджи отправила в «Севен Элевен» изымать данные наружного видеонаблюдения: она заметила на магазине камеру – не исключено, что на запись попало происходившее на кладбище.

Хольгерсен разговаривал по телефону с больницей насчет состояния неизвестной. Нажав отбой, он повернулся к Энджи:

– Не особо. В сознание не приходила, жизненные показатели продолжают ухудшаться.

Черт бы все побрал, меньше всего нужно, чтобы неизвестная девчонка умерла так скоро! Пусть это случится не раньше, чем Энджи толком запустит когти в расследование!

– Личность выяснить не удалось?

– Не-а. Из разыскиваемых никто не подошел, новых заявлений о пропавших тоже не поступало. Отпечатки и ДНК бесполезны, если она не совершала правонарушений. С зубной картой та же история – не с чем сравнивать.

– Ничего, еще рано, – не сдавалась Энджи. – Ее еще не хватились. Вот откроются школы, начнется день, кто-нибудь нам, глядишь, и позвонит.

– Или выйдет «Сити Сан» со статьей о нашей искромсанной коматознице на первой полосе.

Энджи недобро покосилась на него и поглядела на часы. Нужно было торопиться. К ним подошел один из экспертов:

– Мы выяснили, как он попал на кладбище! Пройдете посмотрите?

– Давайте. – Она сунула патрульному недопитый кофе, натянула сапоги-бахилы и подняла воротник от холодного ветра. Они вышли из-под крыши временного навеса и вместе с Хольгерсеном пошли прямо в пасть холодному соленому ветру. Энджи порадовалась, что живет в центре города и успела заехать домой переодеться и наскоро смыть макияж.

Констебль Хикки – патрульный, ответивший на вызов вместе с Тоннер, – встретил их у каменной арки. Он дрожал в своем непромокаемом плаще-пончо, трепетавшем на ветру: натянув поверх фуражки пластиковый капюшон, парень проторчал на холоде почти всю ночь. Энджи уже побеседовала и с ним, и с врачами «Скорой». Экскурсанта и Эдвин Лист явятся в управление днем.

Они подписали протокол осмотра места происшествия, поданный патрульным офицером, и ступили на территорию кладбища. Хикки и эксперт показывали дорогу. Свежий снежок хрустел под бахилами, когда они проходили мимо белых мраморных херувимов на пьедесталах. Молочно-белые глаза статуй словно провожали маленькую процессию, пробиравшуюся между памятников.

– Ну хоть снег перестал, – заметил Хикки, наклоняя голову – порывом ветра ему в лицо швырнуло чешуйки сосновой шишки.

– Глобальное потепление, – отозвался эксперт. – Таких дней будет больше, а погода станет еще хуже.

– Но ведь должно глобально потеплеть, а не наоборот?

Эксперт пожал плечами.

– Думаете, наш извращенец выбрал вчерашнюю ночь из-за снегопада? – спросил Хольгерсен. – Чтобы легче скрыться? Обыватели попрытались в тепле и уюте...

Энджи не ответила – замерев, она впитывала все сразу: темные влажные надгробия, справа небольшой мавзолей, мертвые цветы в пластиковых рожках торчат из снега в местах погребений. Черный каменный ангел взирав на нее сверху вниз, разведя крылья, точно горгулья. Деревья вокруг – узловатые и изогнутые исполины, хвойные и лиственные, с голых веток свисают зеленые лишайники, известные в народе как «ведьмины волосы». Входов на Росс Бей несколько, стало быть, насильника можно искать в разных направлениях.

– Вот уж ни за что не приперся бы сюда с экскурсией глазеть на призраков... – признался Хольгерсен, медленным шагом описав круг рядом с Энджи. – Когда у нас в последний раз был такой снегопад?

– Просто теплый влажный фронт столкнулся с арктическими массами, державшимися в городе с конца ноября, – негромко ответила Энджи. – Снег долго не пролежит, скоро потеплеет.

Хикки с экспертом подвели их к живой изгороди из непролазных, уродливо скрюченных деревьев, отделявших кладбище от Далласского шоссе и океана внизу. Здесь ветер казался еще холоднее, а звук волн, разбивавшихся о берег, слышался громче. Пальто Энджи звучно хлопало и билось у икр. Глаза слезились от холода. Вздвогнув, она снова вспомнила маленькую девочку в розовом платье, увиденную ночью на шоссе.

– Вот тут мы с констеблем Тоннер увидели медиков, пытавшихся стабилизировать жертву, – сказал Хикки, останавливаясь перед одной из могил. – Экскурсия вошла через вон тот вход, – он показал рукой, – и споткнулась о нашу жертву.

Вокруг все было истоптано, снег – розовый от крови. Эксперты в белых непромокаемых комбинезонах осматривали участок вокруг могилы, счищая снег в поисках каких-либо следов, фотографируя и зарисовывая место преступления.

Сопровождавший их эксперт добавил:

– Все затоптали медики, экскурсанты, патрульные и репортерша из «Сити Сан», которая явилась сразу после нас. Нам очень повезет, если найдется хоть один четкий отпечаток...

Энджи перевела взгляд с кровавой каши на земле к гранитному пьедесталу, на котором высилась большая каменная статуя. На памятнике значилось:

«Мэри Браун, 1889–1940.

Если я пойду долиной смертной тени, не убоюсь зла, ибо Ты со мной».

Внимание Энджи переключилось с эпитафии на саму статую. Пустые каменные глазницы Божьей Матери невидяще глядели туда, где ночью лежала жертва. Скульптурные складки покрывала облегали тело, руки слегка разведены в стороны ладонями вверх. Жест мольбы. Кровь стыла в жилах от такой символичности.

– Нашу обрезанную «Джейн Доу» оставили у ног Девы Марии, – пробормотала она и повернулась к Хикки: – В какой позе лежала жертва?

– На спине, лицом вверх, – сразу ответил патрульный. – Головой к пьедесталу, руки сложены на груди одна поверх другой, вот так. – Он сложил руки у себя на груди.

Будто в молитве...

– Ноги были широко раздвинуты, взгляду сразу открывался окровавленный пах. – Он кашлянул. – Она сто раз могла истечь кровью, снег на ней уже не таял... Как она выжила, не пойму. – Он снова кашлянул.

– Ее нарочно так уложили, – прошептал Хольгерсен, глядя на красный снег.

Сзади раздался звук, похожий на выстрел. Все подскочили и обернулись. Большой сук, не выдержав ветра, сломался и, падая, ударился о какое-то надгробие. Салют из мелких обломков коры и мха разлетелся над белой от снега землей.

– Черт, – выругался Хольгерсен.

Заметно побелевший Хикки дрожал всем телом.

– Рядом есть какие-нибудь пруды? – спросила Энджи, снова повернувшись к месту преступления.

– Никак нет, – ответил Хикки.

– Значит, в пресной воде ее топили где-то еще, а затем привезли сюда и аккуратно уложили в молитвенной позе у каменных стоп Божьей Матери... – Энджи прокручивала в памяти подробности дел Риттер и Фернихок: нарисованные на лбу распятия, насильник в маске. Обе девушки были пьяны и плохо соображали. Обе ушли с вечеринок без провожатого. На обеих напали сзади, сшибли на землю и изнасиловали, приставив нож к горлу. Потом и Риттер, и Фернихок оглушили ударом по голове. Обе помнили, что насильник, накрутив их длинные волосы на руку в перчатке и держа нож у горла, повторял одно и то же:

– Отрекаешься ли ты от Сатаны, виновника и князя греха? Отрекаешься ли ты от Сатаны и всех дел его?

Он заставил их ответить: «Отрекаюсь», прежде чем войти сзади.

Энджи и Хаш выяснили, что эти фразы взяты из католического обряда крещения. Очнувшись, обе девушки обнаружили у себя на лбу рисунок распятия, сделанный несмываемым красным маркером. И у каждой была срезана прядь волос точно посередине лба.

Сведения о характерных словах, распятии на лбу и срезанных волосах были засекречены, репортеры ни о чем не пронюхали, поэтому сходство между этими изнасилованиями и новым преступлением вряд ли можно было приписать действиям подражателя.

Энджи чувствовала – он вернулся. Маньяк, за которым охотились они с Хашем.

Она подняла руку и коснулась лба двумя пальцами:

– Во имя Отца, – она опустила руку, коснувшись солнечного сплетения, – и Сына, – она дотронулась до левого, а затем правого плеча, – и Святого Духа, – тихо закончила Энджи и повернулась к Хольгерсену: – Он погрузил ее в воду и вырезал на ней распятие. Изнасиловал,

затем лишил женского естества, сделав бесполой, и положил умирать у ног Девы Марии. Это не изнасилование, а ритуал: он ее крестил.

Все смотрели на Энджи.

Ветер взвыл, задув в другом направлении. С неба посыпалась ледяная крупа.

– Чертов извращенец, – прошептал Хольгерсен. – Только крестителя нам не хватало. Это точно не первое родео этого типа. Он и раньше так делал, а значит, сделает снова.

Глава 6

– Без изменений, – сообщил Хольгерсен, снова позвонив в больницу. – Личность установить пока не удалось.

Энджи сжала руль, сворачивая на Фэрмонт: они ехали в управление. Ей не терпелось добраться до папок с делами Фернихок и Риттер. «Джейн Доу» должна продержаться, пока Энджи не запустит в расследование зубы. Чем скорее установят личность потерпевшей, тем лучше: сейчас детективы в своих действиях связаны по рукам и ногам.

Одним из важнейших аспектов расследования преступлений такого рода является виктимология: кто пострадавшая, где она училась, были ли у нее работа, хобби, где она жила – словом, необходимо выяснить, чем она занималась в период, предшествовавший нападению, что в ней привлекло внимание преступника.

– Интересно, когда это дело у нас уведет убойный? – сказал Хольгерсен. – Да, имело место изнасилование, но наш извращенец оставил жертву истекать кровью и умирать от переохлаждения, а это попытка убийства. Может, он вообще счел ее мертвой, а ей вот повезло...

– Бабушке твоей повезло! – Энджи смерила напарника гневным взглядом. – Я хочу вести это дело, смотри не подлей мне дерьма.

– Черт, Паллорино, я тоже хочу раскрыть, просто я говорю...

– Мне нужно поймать его ради Хаша, ясно? Он места себе не находил, что те изнасилования так и остались нераскрытыми. Если все три преступления совершил один и тот же ублюдок...

– Упс, я понял: дело личное. – Хольгерсен отвернулся к окну. – Опасно, Паллорино, о-о-очень опасно, – тихо повторил он. – Принимая что-то близко к сердцу, теряешь объективность.

Энджи стиснула челюсти, бессознательно с такой же силой нажимая на педаль акселератора.

– Останови, – вдруг сказал Хольгерсен. – Вот тут, у магазина.

– Что? Зачем?!

– Я хочу нормального кофе.

– Ты шутишь, что ли?

– Я ночь не спал, мне не обойтись без кофеина.

– Ты всегда такой?

– А ты?

Энджи чертыхнулась и свернула к мини-моллу, на углу которого гордо красовался «Старбакс».

– Давай быстрее, – предупредила она. – Веддер ждет.

Глядя, как длинный, тощий Хольгерсен размашисто шагает к кофейне, Энджи врезала кулаком по рулю. Она вдруг поняла, что ее трясет. Положив голову на подголовник, она закрыла глаза, стараясь успокоиться, но в голове болезненными красными вспышками пульсировали воспоминания о том, как она обнаженной скакала на мистере Большом Че. Ритмичные басы из клуба. Мигающие красные лампочки за шторами. Маленькая девочка в розовом платице выскочила из тумана прямо под колеса... Глаза у Энджи широко открылись, дыхание стало судорожно-частым.

Скверно. Сосредоточься на работе, на расследовании... Она сверлила взглядом дверь «Старбакса», нетерпеливо ожидая, когда выйдет Хольгерсен. Лобовое стекло начало покрываться ледяной коркой. И вдруг через запотевшее окно Энджи увидела Хольгерсена – он расхаживал туда-сюда и говорил по телефону. Только тут она обратила внимание, что его сотовый остался на сиденье.

Энджи нахмурилась. Хольгерсен потребовал остановиться, чтобы срочно позвонить по личному телефону?

Он вышел из «Старбакса», неся два стакана и коричневый пакет. Усевшись на сиденье, Хольгерсен вставил стаканы в круглые гнезда между креслами. Салон наполнился запахами еды и кофе.

– На, – сказал он, подавая что-то Энджи.

– Что это?

– Маффин с яйцом и беконом. Ты небось тоже есть хочешь.

Желудок скрутило судорогой. Энджи взяла сэндвич. Хольгерсен развернул свой и откусил большой кусок.

– Можно ехать, – сказал он полным ртом, беря кофе.

Энджи смотрела на него в упор.

Хольгерсен перестал жевать.

– В чем дело? Ты вегетарианка, веганка или у тебя аллергия на глютен?

– Кому ты сейчас звонил?

У Хольгерсена сузились глаза. Кое-как прожевав, он проглотил и откашлялся:

– Никому я не звонил, мой сотовый оставался здесь.

Энджи молча смотрела на него.

– А если и звонил, Паллорино, это не твое собачье дело. У меня есть личная жизнь, в отличие от тебя.

Она тихо выругалась, бросила неразвернутый сэндвич на приборную доску, завела мотор и рванула машину с места так, что кофе из стакана Хольгерсена выплеснулся ему на брюки.

– Ты и с остальными так себя вела? – ядовито осведомился он, вытирая джинсы бумажной салфеткой.

– С какими еще остальными?

– Ну хотя бы с прошлым напарником? Сколько он с тобой выдержал, три месяца?

– Кишка тонка оказалась, я здесь ни при чем.

– Ну да, он не Хашовски. Понятно, Энджи.

– Для тебя – Паллорино.

– Ясно, Паллори-и-ино. – Хольгерсен отвернулся к окну, отпил кофе и очень тихо сказал: – Я никуда не уйду с этой работы, Паллорино. Я собираюсь дослужиться до сержанта, поняла? Я тебе не по зубам, так что не трать силы.

Глава 7

Джеймс Мэддокс отряхнул зонт и пристроил его на подставку у входа в «Синий барсук» рядом с другими мокрыми зонтами: наконец-то освободились места! Кафе было забито под завязку, а очередь на улице только удлинялась, несмотря на отвратительную погоду.

Официантка в экстравагантной мини-юбочке и высоких красных сапогах провела их к крошечному столику. Здешние стулья не были рассчитаны на людей с габаритами Мэддокса. За окном блестели от дождя пустые столы на деревянной веранде. Серо-стального оттенка вода в заливе рябила от ветра.

На бранче настояла Джинни, и она же выбрала кафе:

– Это самое крутое заведение в городе, папа, а какие там яйца «Бенедикт»!

Мэддокс мог предложить целый список занятий «покруче», которые можно было бы разделить с Джинни и не стоять битых полчаса на пронизывающем ветру под мокрым снегом. И не выкладывать целое состояние за какие-то яйца, которые он отлично может пожарить сам в своей кухоньке на яхте. В этом «Барсуке» даже столики не бронируют! И с чего вдруг заходиться от восторга от яиц «Бенедикт»? Однако целью его переезда в Викторину была Джинни и желание спасти то, что осталось от семьи. Он хотел наладить отношения с дочерью, пока не потерял ее окончательно, поэтому, когда Джинни приняли в Университет Виктории, Мэддокс начал искать работу в этом городе.

Сбросив пальто, дочь повесила его на спинку стула, прежде чем присесть. Мэддокс кое-как стянул собственное пальто, соображая, не нужно ли Джеку-О сходить до ветру: барбос сидит в машине уже почти час. Пристроив пальто и усевшись, Мэддокс заметил чернильный рисунок над краем футболки дочери.

– Это у тебя что, татуировка? – поинтересовался он.

– И что? – сразу ошетинулась Джинни.

– Когда успела?

– Мама не против. Не понимаю, что тебе не нравится – сейчас у всех тату.

Мэддокс не был ханжой и к татуировкам относился спокойно, но чтобы несмываемые чернила – и на коже его дочурки...

– Вот сейчас тебе нравится, – начал он, – а через несколько лет...

– Па-па!!

Он шумно вздохнул, и они погрузились в чтение меню. В зале стоял гул разговоров. При каждом движении Мэддокс едва не задевал локтем мужчину за соседним столиком. Мэддокс послушно заказал яйца «Бенедикт» с беконом и колбасой. Джинни предпочла вариант с пониженным содержанием углеводов – без булочки. Мэддокс счел за лучшее не задавать вопросов – дочка давно боролась с лишним весом, хотя лично он считал ее красавицей. Наконец принесли кофе.

– Как учеба? – спросил Мэддокс, дождавшись, пока официантка отойдет.

– Прекрасно.

Он налил сливки себе в чашку, размешал сахар, глядя, как Джинни тянет несладкий черный кофе. Мэддокс гадал, давно ли она обходится без сливок и сахара – опять в рамках борьбы с лишними фунтами, что ли? Ему стало неловко – переехав сюда, он понял, что совсем не знает собственную дочь, потому что пропустил большой кусок ее детства и юности.

– А какие у тебя новые предметы?

Дочь громко вздохнула.

– Джинн, ну я же стараюсь. Смягчи свой приговор.

Она отбросила за спину густые темные волосы.

– Пап, ты так явно и при этом так фальшиво стараешься...

– Зато я здесь, – улыбнулся Мэддокс. – Сколько старых папаш ты видела в очереди под мокрым снегом?

Джинни не удержала улыбки:

– И то правда.

Нужно двигаться постепенно, маленькими шажками, и он снова завоеует ее доверие. Это будет непросто – дочь до сих пор чуть что вскидывается, да и мать напела в уши, но ведь он рядом. Он же приехал. Психоаналитик, пожалуй, камня на камне не оставил бы от причин его переезда, в том числе и от старой яхты, которую Мэддокс купил, пытается починить и на которой живет в Западной бухте, – со стороны несложно догадаться, что Мэддокс буквально не мог видеть и тем более подписать бумаги о разводе, присланные адвокатом жены. Однако он нашел работу в Виктории – задача не из легких, на эту позицию метили многие – и завтра приступает.

Он все вернет и восстановит, насколько это вообще возможно.

В ожидании заказа (яйца варили целую вечность) Джинни щебетала о новом семестре и о том, как ей хочется стать юристом. Мэддокс гордился дочерью и так ей прямо и сказал. Джинни растаяла и рассказала еще об университетском хоре, куда она недавно записалась, о том, как они по четвергам репетируют в центральном католическом соборе и какая там потрясающая акустика, витражи и вообще, а в прошлый четверг они ходили в караоке-клуб.

– Гей-бар, кстати, – добавила Джинни. – И владельцы – пара геев.

Мэддокс кивнул и допил свой кофе. Дочь то и дело провоцировала его, но он не брал наживку.

– Наше пение потрясло всех до глубины души, – продолжала она. – Нам устроили овацию стоя. А потом наши ушли, а я осталась, потому что мне хотелось спеть соло, и я запела из «Отверженных», помнишь, там, где...

– Разве я разбираюсь в мюзиклах? – засмеялся Мэддокс.

Джинни замолчала. Мэддокс понимал, что дочь думает сейчас о новом бойфренде своей матери, самодовольном придурке и, видимо, меломане. Опустив глаза, она начала теревить салфетку. Мэддокс под столом крутил на пальце обручальное кольцо, которое надевал в основном ради Джинн. Ему хотелось дать дочери надежду, показать, что он держится за некую (довольно абстрактную) идею семьи и стародавние клятвы.

– А как ты потом добралась до дома?

– Ножками, папа, ножками, – пожала плечами дочь. – Там идти-то всего пять кварталов!

– А который был час?

Джинни тут же с вызовом уставилась на отца. Глаза у нее совсем как у Мэддокса – синие, и кожа бледная, чистая. Валлийские гены. У Мэддокса даже горло стиснуло от отеческой любви и беспокойства.

– Папа, Виктория – совершенно безопасный город.

– Джинни, совершенно безопасных городов не бывает.

– По сравнению с Сюрреем или западными районами Ванкувера – безопасный.

– Я лучше знаю, я здесь работаю.

– Вот в этом и проблема – ты насмотрелся столько грязи и гнусностей, что в каждом видишь морального урода, забывая, что в людях есть доброта и порядочность!

– Джинни...

– Мне все равно, что ты скажешь! У тебя все плохие! Дома ты никогда не смеялся, не проводил выходные со мной и мамой, никогда не выезжал с нами на природу, даже соседей не звал на барбекю во дворе! А нам с мамой *это* было нужно! Мне это было нужно! Ты ведь мне за всю жизнь ни разу не улыбнулся, приходя с работы...

В кармане Мэддокса завибрировал сотовый. Дочь замолчала, яростно глядя на него. Телефон зажужжал снова. Мэддокс не полез в карман. К ним уже шла официантка с тарелками. Включился автоответчик – и почти сразу телефон затрясся снова.

Мэддокс решился взглянуть на дисплей – звонил новый босс. Мэддокс нахмурился: он же выходит на работу только завтра утром!

– Я должен ответить, – негромко сказал он. – Мэддокс, – тихо сказал он в телефон, пока дочь испепеляла его взглядом.

– Джек Базьяк, – послышалось в трубке. – Прости, что беспокою в воскресенье, но наш убийный отхватил очередное происшествие, можно сказать, политической важности, учитывая позицию нового мэра. Я хочу, чтобы ты с самого начала взял на себя руководство следствием.

Мэддокс покосился на дочь. Джинни пристально смотрела на него.

– А что конкретно?

– Да «поплавок» в заливе, под мостом на Джонсон-стрит. Вроде женщина. Ее сейчас вытаскивают из воды. На месте коронер, патологоанатом, криминалисты и детектив Харви Лео. Район оцеплен... – Базьяк отвлекся, разговаривая с кем-то еще, потом продолжил: – Похоже, наша утопленница пробыла в морской воде довольно долго. Есть соображения, что ею может оказаться пропавшая студентка здешнего универа, Аннелиза Йенсен. Подъедешь? Я скажу Лео, чтобы он на тебя рассчитывал? Я ему уже говорил – ты первый спец по таким делам.

Принесли еду.

– Яйца «Бенедикт» по-деревенски? – уточнила официантка, держа тяжелые белые фаянсовые тарелки. Мэддокс немного отвернулся и совсем тихо спросил в трубку:

– Куда ехать?

– К верфи на Джонсон-стрит, прямо под мостом, возле Уорф-стрит.

– Буду в десять.

– Ты же не уедешь сейчас? – сразу спросила Джинни, когда отец нажал отбой.

– Джинн, я... прости меня, мы посидим как-нибудь в другой раз.

Официантка, по-прежнему стоявшая рядом, повторила громче:

– Яйца «Бенедикт» по-деревенски!

– А ты оставайся, позавтракай.

– Еще чего! – Джинни повернулась к официантке: – Унесите, не нужно.

– Завернуть вам с собой? – предложила та после паузы.

– Нет, – отрезала Джинни, оттолкнув стул и задев при этом женщину, сидевшую сзади. Схватив пальто, Джинни продолжила: – Ясно, почему мама от тебя ушла! Всякий раз, как она мечтала посидеть втроем, кого-то непременно грохали! Это ты виноват, что у нее появился Питер! Это из-за тебя она нашла себе бойфренда. Покойники тебе интереснее собственной семьи!

В кафе стало тихо.

Джинни бешено сунула руки в рукава, рывком перекинула через плечо сумку-банан и, распахнув дверь, вышла на улицу. Мэддокс быстро положил на стол несколько смятых купюр, схватил пальто и выбежал следом.

– Джинни! – окликнул он. – Я тебя подвезу...

– Не надо меня подвозить! У меня свидание!

Он смотрел, как дочь решительно шагает по тротуару, скользкому от мокрых листьев. Ветер трепал полы ее пальто. Она свернула за угол, где на фонарном столбе еще трепетал предвыборный плакат. Мэддокс глубоко вздохнул, сунул руки в карманы куртки и пошел к машине.

Он открыл дверцу – и сразу в нос ударил запах собачьей мочи.

– Джек-О, ну что это за дела!

Старый джек-рассел, спавший на заднем сиденье, поднял голову и добрыми глазами уставился на хозяина. Шрам на месте ампутированной задней лапы был еще ярко-розовым после второй, недавней операции. Пес успел помочиться на газету, лежавшую на полу возле переднего сиденья. Мэддокс выругался, сел за руль и, несмотря на снег и холод, опустил стекла: у него не было времени искать, куда выбросить промокшую газету. Он выехал задним ходом, строго спрашивая:

– Не мог еще пару минут потерпеть, Джек-О?

Пес вздохнул, закрыл глаза и снова задремал на своем одеяле.

А Мэддокс поехал расследовать убийство.

Глава 8

Отдел по борьбе с сексуальными преступлениями занимал большую комнату, разделенную на четыре рабочие зоны хитро расставленными металлическими столами. Стеллажи, отмечавшие границы выгородок, были завалены разнообразными папками.

Энджи была одной из шестнадцати детективов отдела, работавших бригадами по четыре человека. Детективы, инструктор по спецподготовке, оператор «Викласа», психоаналитик и два помощника руководителя работали под началом сержанта полиции Мэтта Веддера, занимавшего кабинет с застекленными стенами – редкость при здешней планировке, где по обе стороны прохода начиналось общее рабочее пространство.

В зале никого не было, когда Энджи подошла к своему столу. Дандерн и Смит из их с Хольгерсеном четверки отсыпались после ночного дежурства. Энджи повесила куртку, стянула влажную шапку, бросила ее на стол и подошла к стеллажу, где, как ей помнилось, хранились материалы дел Фернихок и Риттер. Найдя нужную коробку, она с трудом донесла ее до стола и открыла.

– Паллорино!

Она подняла глаза. Веддер стоял в дверях своего кабинета с газетой в руке.

– Где Хольгерсен? – поинтересовался он.

– В туалете или курит, не знаю.

– А ну, зайди. – Веддер кивнул на кабинет. – Расскажешь, как чего.

Оставив коробку на столе, Энджи прошла к начальству. Веддер плотно прикрыл дверь и с размаху шваркнул на стол «Сити Сан».

– Не успела взяться за расследование, на часах и половины десятого нет, а ты уже на первой полосе?! Меня уже, как грелку, рвет Фиц, его, в свою очередь, Сингх, и так далее во всех инстанциях до самого шефа Гуннара. Ты говорила с «Сан»?

Взгляд Энджи был прикован к таблоиду на столе. Поперек страницы большими черными буквами беззвучно вопил заголовок: «Зверское изнасилование на кладбище Росс Бей! Молодая женщина в коме!»

Под заголовком была фотография медиков, грузивших каталку с неизвестной в машину «Скорой», и Энджи с Хольгерсеном на пороге больницы Сент-Джуд. В резком свете вспышки лицо Паллорино казалось мертвенно-белым, а размазанная тушь и припухшие красные губы придавали ей вид наркоманки. Хольгерсен выглядел не лучше – вылитый героиновый торчок с ввалившимися щеками, обтянутыми скулами и безумным взглядом. Энджи схватила газету и пробежала глазами статью:

«Детективы, ведущие дело об изнасиловании, уже установили личность жертвы и сейчас связываются с ее родственниками. Пока не сообщается, является ли пострадавшая Аннелизой Йенсен, студенткой Университета Виктории и дочерью видного местного промышленника Стива Йенсена. Аннелиза таинственным образом исчезла из кампуса две недели назад, что лишний раз подчеркивает удручающую статистику преступлений, которой вновь избранный мэр Джек Киллион клятвенно пообещал заняться...»

– Что? – оторвавшись от статьи, Энджи уставилась на начальника. – Она и Киллиона приплекла?!

– Другие городские газеты уже через час подхватят сенсацию и поднимут дикий хай. Кто рассказал этой репортерше, что произошло изнасилование?

– Возможно, у нее есть сканер. Она приезжала на кладбище и видела все своими глазами. Или поговорила с медиками «Скорой помощи» или врачами в больнице, не знаю.

Веддер тяжело вздохнул и провел пятерней по волосам, которые в последние полгода начали редеть.

– Так, ладно. Что у вас есть и что вам нужно? Кто пострадавшая?

– Мы еще не установили личность.

– Тогда что здесь пишет эта фитюлька? Ты ей говорила, что выяснили?

– Я не стала ничего отрицать. – Энджи бросила газету на стол.

Веддер выругался.

– Хорошенький способ известить ближайших родственников, Паллорино! Это же чья-то дочь, чья-то сестра...

– Можно подумать, я не знаю! – огрызнулась Энджи.

– И позволь сказать тебе кое-что еще. – Начальник мерно постукивал каменным пальцем по ее с Хольгерсеном фотографии. – Можешь смело спорить хоть на свою задницу, что Гуннар не обрадуется твоей физиономии на первой полосе. В чем в чем, а в этом я уверен. Ты становишься символом любого ляпа столичной полиции, особенно моего отдела...

Гнев неподконтрольно рванулся откуда-то изнутри и мгновенно охватил Энджи. Она стиснула зубы.

– Вот даже не смейте, Веддер. Я не виновата в том, что случилось с Хашем. Меня допустили к рабо...

– Ладно, ладно. – Веддер примирительно поднял ладони. – Ты права, извини. – Он снова выругался и пригладил волосы. Отвернувшись к окну, он постоял спиной к Энджи, глядя на мокрый снег, налипающий на стекла. Атмосфера сгущалась. Энджи стояла с тяжело бившимся сердцем и напряженной шеей.

– При всем уважении, сэр, – тихо начала она, стараясь сохранять спокойствие, – не я писала эту статейку. Эта дамочка поджидала нас у больницы и кинулась наперерез... По-моему, ничего особенного не случилось: основная часть информации в этой статье высосана из пальца, факты подтасованы, заявления голословны. Это же ясно.

Веддер медленно кивнул и обернулся, встретившись с ней взглядом.

– Извини, Энджи, – сказал он мягче. – Всем не хватает Хаши. Напряжение зашкаливает. Все ждут, что покатится голова Гуннара, а может, и моя. Сама-то как, держишься? С Хольгерсеном сработались?

– Пока еще рано говорить.

– Он хороший детектив. Давай срабатывайся.

Энджи выдохнула:

– Постараюсь.

– Так что у нас есть? Введи меня в курс дела.

– Изнасилование на кладбище, скорее всего, связано со старыми делами Риттер и Фернихок. – Она вкратце рассказала Веддеру подробности, подчеркнув сходство почерка преступника, но не успела закончить, как в дверь постучали.

– Войдите, – сказал Веддер.

Дверь распахнул один из патрульных.

– Мы нашли мать пострадавшей девушки, – выпалил он, еле сдерживая возбуждение. – Она уже в Сент-Джуд. Зовут Лорна Драммонд. Увидела газетные заголовки и в истерике бросилась в больницу – ее дочь не вернулась с ночной смены в пекарню.

М-да, неплохой способ известить близких о случившемся, Мерри Уинстон.

– Из какой пекарни? – спросила Энджи.

– «Синий барсук», у моста на Джонсон-стрит. Там сказали, что девочка не вышла на работу и не отвечала на звонки.

Энджи выскочила из кабинета, едва не сбив патрульного с ног.

– Хольгерсен! – заорала она над выгородками в зале, хватая куртку с крючка. – Где, черт побери, носит Хольгерсена? – громко спросила она, пропихивая руки в рукава и хватая свою сумку.

– На улице курит, – ответил мужской голос из дальнего угла.

Черт его побери! Энджи взглянула на часы и повернулась к патрульному:

– Увидишь его, скажи, чтобы ехал в Сент-Джуд, я буду там.

Она вышла, не дожидаясь напарника. Едва села за руль, зазвонил телефон. Она рывкнула в гарнитуру, сдавая задним ходом:

– Паллорино!

– Энджи?

Отец. Черт! Она совсем забыла – они же собирались упаковать и убрать оставшиеся вещи матери. Энджи должна была приехать час назад.

– Пап, я... я не смогу сегодня, правда не смогу. Мне только что поручили важное расследование...

– Все ясно, – вздохнул отец. – Я и не рассчитывал, что ты приедешь. Ты же вечно на бегу. Всегда от чего-то убегаешь, Энджи...

На этом он положил трубку.

Глаза предательски жгло, когда Энджи выехала на улицу.

Глава 9

Подъехав к полицейскому кордону, Мэддокс опустил стекло.

Патрульные машины с включенными мигалками цепочкой вытянулись по Уорф-стрит. Мокрый снег окутал все вокруг сплошной пеленой; копы в ярко-желтых прозрачных куртках отправляли машины в объезд, через центр. У кордонов собралась толпа зевак.

Мэддокс показал патрульному свой новенький полицейский значок, выданный в отделе кадров. Джек-О залаял, и патрульный, пригнувшись, заглянул в машину.

– Что, новый К-9 прибыл на службу, сэр?

– Скорее талисман. Простите за запах мочи.

Полицейский неуверенно улыбнулся, отступил и переставил барьер, открывая проезд.

– Сюда, сэр, вон тот участок перед поворотом на Джонсон-стрит, там, где оцеплено для следственной группы. Спуск на верфь дальше по набережной, за кирпичными строениями.

Полицейским на парковке Мэддокс снова показал значок, и его имя внесли в список побывавших на месте преступления. Оставив автомобиль рядом с фургоном судмедэкспертов, Мэддокс оглянулся на Джека-О:

– Веди себя хорошо. Я скоро приду и выпущу тебя погулять, а завтра у тебя уже будет собачья нянька.

Ответа с заднего сиденья не последовало.

Оставив окна чуть приоткрытыми, Мэддокс достал из бардачка бейсболку – зонт остался в «Синем барсуке» – и вышел из машины. Ветер сразу вознамерился сорвать с него пальто, а мокрый снег налипал на щеки и сразу таял. Мэддокс прошел мимо темного седана с наклейкой «Коронер при исполнении». На приборной панели лежала открытая коробка недоеденных «Тим Битс» – от пончиков остались только неровные края у пустой серединки. Завтрак чемпионов. Мэддокс вспомнил, что так и не поел. Вот вам и яйца «Бенедикт», и ланч с дочерью...

Он подошел к кирпичным домам – заброшенным, с заколоченными окнами, с поросшими мхом стенами, исписанными граффити, и крупными баннерами «Сдается в аренду». Вокруг каждого крыльца остались следы пребывания бездомных – осколки стекла, пустая водочная бутылка, пивные банки, окурки, картонка, обрывок грязной тряпки...

Мэддокс постоял минуту, глядя сверху на рябую от ветра воду залива. Два катера пожарно-спасательной службы – ярко-желтые с жестким черным корпусом – покачивались на волнах у дальнего конца L-образных мостков, далеко выдававшихся в воду. Полицейские во всепогодной экипировке и бейсболках перегнулись за планшир, что-то выуживая из воды баграми, а рядом человек следил за уходящим под воду тросом – видимо, напарник водолаза. В «кармане» между мостками и берегом скопились бревна, которые сплавляли по заливу в более спокойную погоду.

И над всем этим царил огромный синий мост Джонсон-стрит, похожий на железного левиафана, вынырнувшего из тумана. По мосту, гудя моторами и сигналя, проносились машины.

Мокрый снег превратился в какой-то студенистый дождь. Высокий худой мужчина и приземистая полная дама, оба в черных куртках с надписью «Коронер» и кепках, наблюдали с мостков. Рядом с ними присел на корточки крепенький человек, гревший руки в карманах куртки; густая белая шевелюра ореолом окружала квадратную голову. Наверное, детектив Харви Лео, подумал Мэддокс.

Трава на крутом, обрывистом берегу заскользила под ногами, когда он начал спускаться к воде. Взревев сиреной, под мостом прошла груженная металлоломом баржа, вспенивая воду и распуская за собой довольно энергичные волночки. Под их напором мостки заколыхались,

а бревна в «кармане» начали перекатываться и стукаться друг о друга. Вода выплеснулась на берег.

– Ну, так-перетак! – рявкнул беловолосый, жестикулируя в направлении баржи. – Может кто-нибудь отправить патрульный катер на середину канала, чтобы придержать чертovy суда? Мы ее почти подцепили, а теперь она снова ушла на глубину!

Повернув голову, он впился взглядом в Мэддокса, пробиравшегося по мосткам. Дождавшись, когда он подойдет, беловолосый спросил:

– Значит, ты и есть новичок из лошадников?

– Из каких лошадников? – с притворным недоумением переспросил Мэддокс.

– Ну из конной полиции, у вас же на машинах такой синий логотип с лошадьёй?

– Ясно. Я – сержант Джеймс Мэддокс. – Мэддокс протянул руку. – Вы, должно быть, Харви Лео?

Собеседник, оказавшийся постарше Мэддокса, секунду оценивающе смотрел на него прозрачными голубыми глазами, потом медленно принял рукопожатие.

– Единственный и неповторимый, – ответил он.

Рука Лео оказалась холодной и шершавой. Железное рукопожатие и такое же жесткое, угловатое лицо.

– Это Чарли Альфонс, городской коронер, – показал Лео на высокую тощую фигуру. – А это патологоанатом Барб О'Хейган. Мы ее специально вызвали на эту утопленницу.

У Альфонса была маленькая голова с большим носом. О'Хейган на вид было хорошо за шестьдесят, фигурой она напоминала бочонок, а из-под бейсболки торчали короткие, с сильной проседью волосы. Но Мэддоксу понравились сметливые карие глаза. Он пожал руку каждому из экспертов.

– Что у нас тут? – спросил он, повернувшись к спасательным катерам, которые медленно двинулись в обход мостков к «карману» у берега, где на волнах, поднятых баржей, качались бревна.

– Наша красавица всплыла с той стороны причала. Едва зацепили баграми, как прошел буксир, и тело затащило на глубину. Пришлось вызывать водолаза. Теперь эта баржа вытолкнула ее аж сюда, к берегу. Вот сейчас затащит под бревна, а уже прилив начался, черт бы все побрал...

Это Мэддокс и сам видел по поднымавшемуся волнению в канале.

– Вы уверены, что это женщина?

– Не совсем – тело плавает лицом вниз, но волосы длинные, черные, так что, скорее всего, женщина, – отозвался Лео, глядя, как напарник ныряльщика медленно травит трос в серо-стальную воду между сталкивающимися бревнами. – Черт, под сплавной лес нырять хуже, чем под лед... Обязательно нужен второй, чтобы страховал из катера, не то, чего доброго, водолаза раздавит бревнами...

– На дне тоже небось на метр всякой дряни, – поддержал Альфонс, у которого зазвонил телефон. – Извините. – Он ушел под мост, немного защищавший от мокрого снега, и после короткого разговора крикнул: – Барб! На Малахат серьезная авария из-за мокрой дороги, там, где участок в гору... Есть погибшие, мне срочно нужно туда. Одна здесь справишься?

– Справлюсь, поезжай, – ответила толстуха.

Мэддокс опустился на четвереньки и заглянул под пристань. Опоры, покрытые какой-то подозрительной слизью, были облеплены устрицами и мидиями. Раковины с острыми краями...

– А говорили, в канале чисто, хоть плавай, – сказала О'Хейган, наблюдая за ним.

– Ага, сейчас, – хмыкнул Лео. – Городские стоки как сливали в море без очистки, так и сливают. Кто поручится, что течение и прилив не гонят все это добро обратно к берегу, как нашу утопленницу?

Мэддокс поднялся на ноги и перешел к другому краю мостков. Сзади раскинулся город, слева тянулись яхтенные причалы и терминал для гидропланов, мост и каяк-клуб оказались справа. На противоположном берегу залива в густом тумане угадывались очертания жилых кварталов.

– Значит, ты не только без очереди пролез в убойный, но, как я слышал, и это расследование Базьяк хочет именно тебе поручить? – сказал Лео, подходя и становясь рядом.

– Вот не знал, что к вам очередь, – парировал Мэддокс, оглядывая одностворчатый мост и задерживая взгляд на массивном противовесе.

– Минимум шесть парней в управлении из кожи вон лезут, чтобы попасть в убойный, причем все местные, знающие город как свои пять волосатых пальцев. Плюс девка-детектив из сексуальных преступлений долбится в нашу дверь целую вечность.

Мало же они знают...

Для Мэддокса это отнюдь не прорыв в карьере и даже не перевод на аналогичную должность. По всей логике, ему полагалось повышение – руководил бы сейчас, сидя за столом: на материке он был таким же Базьяком, но Мэддокс перевелся, чтобы быть поближе к Джинни и передохнуть от романчика своей жены и начатого бракоразводного процесса. Его инстинктивно тянуло с головой уйти в тяжелую, физически и морально, работу. Может, это защитная реакция или даже склонность к саморазрушению, но иначе Мэддокс не мог.

В разговор вмешалась Барб О'Хейган:

– А так, можно подумать, у нее был шанс, при засилье-то ваших дуболомов, которые только и умеют просиживать зады в кабинетах, точить карандаши, страдать фигней и опиваться дешевым кофе!

Лео фыркнул и повернул голову к дебилой патологоанатомше:

– Смотрите, кто заговорил – старая гримза из морга! На пенсию-то не пора, а, Барб?

– А кто будет раскрывать для вас преступления, детектив? Попади Паллорино в убойный, она живо дала бы вам прочухаться!

– Да сейчас! Эта девка – индивидуалистка, мизантропка и мужененавистница, поэтому мы с ней и нашли общий язык!

– Ого, какие умные слова, Лео! В словаре вычитал?

Слушая пикировку, Мэддокс невольно подумал, что здесь не соскучишься. Вот только в хорошем смысле или в плохом... Он пошел к мосту, глядя вверх. На западном берегу высота метров девять, а с учетом огромного бетонного противовеса – больше двадцати.

– Кто сообщил о теле в воде?

– Бездомный, который живет под мостом, – отозвался Лео. – Увидел труп, осерчал и побежал ругаться с мостовым оператором вон в ту будку... По каналу, если надо, пропускают большие суда, мост разводят и пропускают... Короче, мы сняли показания и с оператора, и с бездомного психа, он сейчас у нас в «бобике» сидит.

– Как считаешь, самоубийца?

– Ни хрена подобного. Обмотана пленкой, как колбаса в оболочке, – погоди, скоро сам увидишь.

С полицейского катера раздался оглушительный свист:

– Эй! Зацепил! Тащит!

На берегу все обернулись в ту сторону: катер с ныряльщиками осторожно лавировал между бревнами, и напарник водолаза сосредоточенно вел трос. Над водой висел мягкий влажный туман – с неба валил снег пополам с дождем. В эту минуту под мостом, пыхтя, прошло новое судно, отчего под пристанью снова все заплескалось и забулькало. Бревна начали перекатываться, гулко сталкиваясь.

– Да что за дебилы! – заорал Лео. – Чем там занята береговая полиция, на хрен? Не в состоянии корабли придержать? Они ж нам водолаза угробят, так-перетак!

Бревна немного разошлись, и из гладкой, ртутно переливающейся серой воды появилась голова водолаза в эластичном капюшоне с блестящими круглыми окулярами. Рядом с ним показался большой сверток пленки, который ныряльщик повел к мосткам. Мэддокс, О'Хейган и Лео молча стояли у края. Утопленница лежала в воде лицом вниз, покачиваясь на волнах, и длинные волосы с запутавшимися водорослями извивались вокруг головы, как щупальца. Когда водолаз подвел тело ближе, все увидели две параллельные глубокие борозды на затылке жертвы, будто череп раскроили топором. Ниже шеи утопленница была завернута в плотную полиэтиленовую пленку вроде тепличной, мутную от воды и перемотанную сверху веревкой. От шеи тянулся оборванный конец – в воде было видно, что он очень длинный, несколько метров.

– Да, вы правы – упаковали, как колбасу, – тихо сказал Мэддокс, со щелчком надевая латексные перчатки. Он присел на корточки на краю мостков, когда водолаз подтащил тело. О'Хейган, тоже надевая перчатки, присела на корточки рядом. Лео стоял чуть в стороне и наблюдал, глубоко сунув руки в карманы. По спине Мэддокса невольно пробежал мороз, когда он взгляделся в утопленницу.

Под пленкой женщина была обнаженной, кожа иссиня-белая, как рыбье брюхо или личинка. Или как пришелец.

– Нам нужен фотограф, – сказал Мэддокс, и Лео оглушительным криком позвал фотографа. Тот, укрывшийся от непогоды под мостом, побежал по мосткам, поскользнулся, но удержался на ногах.

– Салага чертов, – буркнул Лео, не вынимая рук из карманов. Фотограф начал снимать тело в воде. К ним уже шли двое ребят из офиса коронера, неся складные металлические носилки и черный пластиковый мешок.

– Сделайте крупным планом ее затылок, – попросил Мэддокс фотографа, указывая на чистые, без следов крови разрезы.

Вновь замелькала вспышка. В сгущающемся тумане ревела сирена.

– Она могла попасть под винт катера, – сказала О'Хейган, наклоняясь, чтобы получше разглядеть. – Это встречается у утопленников не так редко, особенно если ее затянуло под катер сбоку – и к задним винтам. Катер попался довольно компактный, иначе ее порубило бы на куски. Лопасты буксиров, например, оставляют раны подлиннее. – Фотограф уже щелкал крупным планом веревку на шее жертвы и на полиэтиленовой пленке. – Или она не выпадала за борт, а всплыла со дна в результате образования газов в теле, и тогда ей досталось от винта проходившего катера. Большинство утопленников всплывает спиной вверх, как эта, поэтому повреждения почти всегда остаются на затылке, плечах, шее, ягодицах... Ладно, давайте вытаскивать.

– Нам нужны еще люди, – сказал Мэддокс. Санитары раскрыли мешок для трупов, помогли перевалить тяжелое тело через край пристани и осторожно уложили покойницу в мешок – вокруг нее сразу натекла вода. Веревка на шее оказалась длиной метра три, конец был размочаленный и почерневший, наверное, от машинного масла.

Фотограф сделал несколько фотографий, и утопленницу перевернули.

Лео, выругавшись, отпрянул.

На них глянул почти обнажившийся череп с остатками плоти. Мутные глазные яблоки выпадали из орбит – мягкие ткани вокруг были съедены. Вместо носа и щек – дыры, и в отсутствие губ ничто не прикрывало страшный оскал.

– Так-распротак, ненавижу утопленников, – прошептал Лео.

– Антропофаги, – тихо сказала О'Хейган, по-прежнему сидя на корточках и вглядываясь в мертвое лицо. – Поедание человеческого тела разнообразными многоклеточными организмами – рыбами, земноводными, ракообразными, млекопитающими, беспозвоночными – есте-

ственный феномен, но ныряльщик без опыта рискует заработать нешуточный шок, столкнувшись с чем-то подобным.

Из рта покойницы выползло что-то маленькое и скользкое.

– Блин, – простонал Лео.

– Насколько быстро наступают такие изменения? – спросил Мэддокс. – Вы можете предположить, сколько она пробыла в воде?

– Это зависит от ряда факторов – где она попала в воду, откуда ее принесло течением, какой температуры была вода, какие морские обитатели за нее принялись. Морские вши, например, отличаются редкостной ненасытностью: проникают внутрь через естественные отверстия – анус, рот, уши, ноздри или открытые раны, как у нее на затылке, или объедают мягкие ткани вокруг глазных яблок – веки, губы, уши, носовые хрящи. Попадая в тело, они не останавливаются, пока не сожрут все – или пока их не потревожат. Креветки могли сделать такое часов за шестнадцать – за неделю они способны обглодать человека почти до скелета. Точнее смогу сказать после вскрытия. Любые детали будут очень кстати, детектив.

Глядя на изуродованное лицо, невозможно было сказать, мужчина это или женщина, но через мутный пластик Мэддокс разглядел округлость обнаженной груди, темный сосок. Он стер рукавом дождевую влагу со лба.

– Кажется, под пленкой повреждения не такие сильные, – заметил он.

– Одежда немного спасает положение, по крайней мере, первые сутки, – отозвалась О'Хейган. – Здесь торс был защищен полиэтиленом, плотно завязанным вокруг шеи. По моим предположениям, она не так уж долго пробыла в воде.

– Зачем так тщательно заворачивать тело, оставляя голову открытой? – Этот вопрос Мэддокс задал скорее себе, трогая пленку кончиками пальцев в перчатке и стараясь разглядеть что-нибудь под пластиком.

О'Хейган посветила фонариком в открытый рот черепа.

– Ого, сколько косметики! Почти на всех зубах виниры, да и протезы есть... Трупного окоченения нет. Мне нужно срезать кусок пленки или проделать в ней дырку, чтобы измерить температуру.

– Пленка, веревки и все, что внутри, – это улики с места происшествия. Я предпочитаю ничего не трогать, пока не приедем в морг, – сказал Мэддокс.

О'Хейган сжала губы, соображая, как поступить. Лео сверлил их взглядом и молчал. Между тем дождь лупил нещадно.

– Можно еще раз крупным планом снять веревку на шее? – Мэддокс показал фотографию, где именно. – Похоже, она намоталась на винт, и какой-то катер невольно доставил тело в гавань. Веревка перетерлась и порвалась, но в дело вступили течение и прилив, и...

– В этом случае потерпевшая могла попасть в воду где угодно, – вставил Лео. – Если она всплыла, а потом прицепилась к катеру...

– Ладно, – постановила О'Хейган, закрывая сумку. – Все равно со временем смерти возни не оберешься, раз мы ни черта не знаем...

– Тогда давайте грузить, – сказал Мэддокс, поднимаясь на ноги. Санитары застегнули молнию поверх кокона из пленки и оскаленного черепа, подняли тело на складные носилки и направились к стоявшей на берегу каталке.

– Ну до встречи в морге по окончании вскрытия, – сказала О'Хейган, с усилием поднимаясь на ноги. Она пошла за санитарами, неся свою сумку.

Лео смотрел им вслед, не вынимая рук из карманов.

– Ну что, босс, как первый день на новой должности?

Мэддокс поглядел с высоты своего роста прямо в холодные голубые глазки Лео, и у него возникло ощущение, что, если дело окажется очередным висяком, всю ответственность попытаются свалить на него. Причем без колебаний, учитывая позицию нового мэра. Может,

поэтому Базьяк и назначил его, новичка, на это расследование – чтобы в случае чего сделать стрелочником?

– Сними показания с водолазов, Лео, особенно с того, кто погружался, – невозмутимо сказал Мэддокс. – Запиши все, что он видел под водой. Личное мнение тоже полезно, но оно должно идти в приложении и с соответствующей пометкой. – Мэддокс со щелчком стянул перчатки. Боль в запястьях живо напомнила ему о ссадинах после секс-эскапады в ночном клубе «Лис» с таинственной рыжей Энджи, которая пристегнула его к кровати и отымела. Он не мог выбросить ее из головы с той минуты, как сегодня утром, перед встречей с Джинни, позвонил по оставленному номеру и не дождался ответа. Он оставил сообщение и, пожалуй, сглупил. Мэддокс и сам не понимал, зачем его понесло в тот клуб. Впрочем, даже психотерапевт советовал ему не киснуть... Ну теперь уже не важно. Лео попал в точку – на какое-то время с днями и ночами на новом месте все понятно... Прогнав воспоминание о рыжей незнакомке, Мэддокс быстро пошел к берегу.

– Ох, не терплю я утопленников, – бурчал Лео, топая сзади по мокрым мосткам. – Однажды мы вызывали родственников на опознание одного такого, которого люто полюбили морские вши, так они поползли у него из глазниц на столе в морге! Ох, блин, что было... Учти, нужно тщательно выгрести эту погань из всех отверстий, прежде чем приводить родню – мамаша покойника грохнулась в обморок где стояла, башкой о кафель. Господи, как я ненавижу утопленников!

Глава 10

Через стеклянную перегородку палаты интенсивной терапии Энджи некоторое время наблюдала за женщиной, державшей за руку свою дочь. Сгорбленная спина, темные волнистые волосы наспех собраны в хвост.

Энджи вспомнилась Мириам и бесчисленные трудности, с которыми сталкивается каждая мать в своем желании защитить дочь от всякого зла. Мириам всю свою жизнь положила на заботу об Энджи. Теперь Энджи предстоит заботиться о маме. Энджи вновь ощутила странную пустоту, подумав о промелькнувших годах, которых не вернуть. Отчего-то на память пришла кладбищенская статуя Девы Марии, непорочной мадонны, не осквернившей себя сексом, но все равно родившей ребенка: какой фарс... Энджи злили двойственные стереотипы, навязываемые женщине обществом, мнение, что совокупление, акт продолжения рода, сексуальное наслаждение являются чем-то нечистым, сродни содержимому сточной канавы: «грязная» девчонка, «грязные» книжки... Перед глазами мелькнула красная вспышка, голова стала тяжелой. Энджи ощутила вкус крови во рту, липкие струйки на лице. Губу пронзила острая боль, и вдруг в палате рядом с горюющей матерью появилась девочка в розовом платье. У Энджи бешено забилося сердце. Девочка медленно повернула голову и уставилась прямо на нее, но лица у нее не было, только матово светящееся пятно, обрамленное длинными темно-рыжими волосами. Девочка протянула ручонку к Энджи, и та услышала шепот, от которого по коже пробежал мороз:

– Пойдем в рощу поиграть... Пойдем, пойдем играть...

Видение исчезло. Похолодевшая от ужаса Энджи с трудом сосредоточилась, толкнула дверь и шагнула в палату. Ее вновь встретило мерное шипение и писк приборов.

– Доченька, ты меня слышишь? – повторяла женщина. – Пожалуйста, сожми мою руку, если слышишь, Грейси, пожалуйста!

Подойдя сбоку, Энджи кашлянула:

– Миссис Драммонд, я – детектив Паллорино из столичной полиции.

Женщина подняла голову – бледное лицо с остановившимися от шока и горя глазами. Энджи много раз видела этот взгляд. Ужас, недоверие, отчаяние и бессилие, когда чудовищное злодеяние разделяет твою жизнь на до и после, и простой обыватель, ведущий ничем не примечательную жизнь, вынужден общаться с полицейскими, врачами, коронарами, экспертами, отвечать на вопросы, сносить назойливое внимание журналистов и делать многое другое, о чем он вчера и помыслить не мог.

– Я не знала, что она не появилась на работе, пока не увидела утренние новости. Я побежала в ее комнату, чтобы убедиться, что Грейси там... Как же получилось, что я не знала-то?

Энджи охватило сочувствие, фоном которому служило неистовое желание найти этого насильника, однажды уже ускользнувшего от них с Хашем. Если бы они задержали его три или четыре года назад, эта женщина и ее дочь не оказались бы здесь.

– Я вам очень сочувствую, – сказала Энджи.

– Врач мне уже сказала, что этот изверг... сделал с моим ребенком... – Голос женщины прерывался, глаза были мокрыми.

– Медсестры сказали, что вашу дочь зовут Грейс?

Дрожащая рука женщины взлетела, прижавшись ко рту:

– Грейси... Мы зовем ее Грейси. – По щекам потекли слезы. – Грейси Мэри Драммонд. Ей шестнадцать, а будет... – Тело женщины сотрясали рыдания.

– Держитесь. – Энджи нерешительно положила руку женщине на плечо, но несчастная мать овладела собой:

– А двадцать девятого декабря будет семнадцать. Когда она начала работать в «Барсуке», мне пришлось подписывать согласие, что я не против. Грейси... ей хотелось карманных денег, мы ведь едва сводим концы с концами. Не надо мне было отпускать ее одну, вечером, на автобусе, но ведь в городе безопасно, а остановка прямо у нашего дома, автобус уходит в шесть часов... Не так поздно, а до пяти утра она в пекарне, потом сразу на обратный автобус и домой... Каждая мать хочет, чтобы ее дочка была одета как куколка, понимаете? Я не могла купить ей нарядов, сами видите, в чем хожу... Я радовалась, думала, все нормально. И все было нормально целый год с лишним... – Она с силой зажала рот, будто из последних сил сдерживая истерику.

– Принести вам кофе, миссис Драммонд? – спросила Энджи. – Или воды?

Лорна Драммонд покачала головой.

– Мне нужно задать вам несколько вопросов. В коридоре есть стулья, лучше, наверное, там поговорить?

– Я не хочу уходить от Грейси. Она столько времени лежит здесь одна...

– Это буквально напротив двери.

Женщина поднялась и на негнувшихся ногах вышла из палаты. Энджи подвела ее к стульям под окном, помогла сесть и присела сама, достав блокнот.

– Когда вы в последний раз видели Грейси, миссис Драммонд?

Лорна Драммонд отвела с лица спутанные пряди.

– В пятницу утром, перед тем как уйти на работу. Я работаю сутками в доме престарелых. В пятницу в четыре начинаю, в субботу в четыре заканчиваю. – Она прикусила губу. – Так что Грейси я обычно вижу в субботу вечером, перед тем, как она уезжает на работу в «Синий барсук», но накануне у меня было свидание... мы только начали встречаться... поэтому я вернулась домой ранним утром в воскресенье и сразу пошла спать. Проснулась позже обычного и... услышала в новостях... Я пошла в комнату Грейси, а ее нет! И постель не разобрана! Я... Вы скажете, что я плохая мать, нечего было ходить на свидание, но у меня в кои-то веки начало что-то налаживаться... – Она выхватила из кармана бумажный платок и сильно высморкалась. Нос красный, опухший, глаза заплаканные. – Сначала кажется, у тебя впереди все время мира, а потом бываешь рада хоть...

Она не договорила, всем телом трясась в рыданиях.

– Я знаю, – сказала Энджи. Она подождала, пока Лорна Драммонд снова сможет говорить. – Значит, Грейси каждую субботу работала в «Синем барсуке»?

– Да, в пекарне, в ночную смену.

– А вы не знаете, кто еще регулярно ездил этим же автобусом? Может, кто-нибудь видел, как Грейси села в автобус и доехала ли она до пекарни?

– Ох, я не знаю. Но там вроде один и тот же водитель. Грейси о нем говорила. Кажется, Гарри.

– Почему она говорила про этого Гарри?

– Он всегда здоровался с ней.

– В какую школу она ходит?

– В Дюнэйгл.

– Грейси не говорила, что за ней, допустим, следили в последнее время или приставали на улице?

– Да нет, вроде нет... Ох, нельзя было отпускать ее работать в ночную смену! Зачем я разрешила! Она пошла работать в шестнадцать лет, потому что мы жили только на мой заработок...

– А где ее отец?

– Мы в разводе, у него новая семья. Он переехал куда-то на север, точно не знаю. Я сто лет не видела от него чеков на алименты.

- Вы давно развелись?
- Грейс тогда было девять лет.
- Она еще где-нибудь работает?
- Нет, только один день в неделю в «Барсуке».
- А отец не мог помогать ей деньгами?
- Лорна подняла голову. Глаза стали круглыми от удивления:
- Нет. А почему вы спрашиваете?
- Энджи пристально смотрела на нее.
- Вчера на вашей дочери были очень дорогие дизайнерские сапоги.
- Должно быть, Грейси сама купила. Я же объясняю, она ж для этого и работать пошла – чтобы наряжаться!
- Вы знаете, сколько стоят сапоги «Франческо Милано»?
- Нет, а сколько?
- Больше тысячи долларов.
- Лорна Драммонд побелела. Взгляд растерянно заметался.
- Может, уцененные взяла? Она много чего в секонд-хенде берет. Или одолжила у кого?
- Господи, я и внимания не обратила...
- А кто ваш новый знакомый, к которому вы ходили на свидание?
- Но вы же не думаете...
- Мне для протокола.
- Курт Шеперд. Мы познакомились четыре месяца назад – у него умерла мать в доме престарелых, где я работаю. Живет в Эскимолте, работает механиком в «Барни», очень хороший, порядочный человек.
- Нам придется приехать к вам домой и взглянуть на комнату Грейси. Вы не против?
- Нет, нет, конечно.
- У Грейси есть мобильный телефон?
- Айфон у нее. Я звонила не переставая, как только увидела новости, но сразу включался автоответчик.
- Можно ее номер и провайдера?
- М-м-м... кажется, у нее «Клиавейв». – Лорна продиктовала Энджи телефон дочери. Записывая цифры, Энджи боковым зрением заметила какое-то движение в палате Грейси. Там вдруг забежали медсестры, а по громкой связи послышался спокойный голос:
- Синий код, двенадцатая палата. Синий код, двенадцатая палата.
- У Энджи упало сердце. Лорна Драммонд резко обернулась:
- Что это? Это что значит?
- Двойные двери в конце коридора распахнулись – по коридору бежали медсестры и кардиологи в зеленых костюмах. Впереди спешила доктор Финлейсон.
- Лорна Драммонд вскочила:
- Господи, это же палата Грейси! Они к ней!
- Она бросилась к врачам.
- Миссис Драммонд! – Энджи кинулась за ней. – Лорна, подождите! Стойте! – Она поймала Лорну за локоть у самых дверей, не пуская дальше. Было видно, как одна медсестра ритмично нажимает на грудную клетку девушки, а другая готовит электроды дефибриллятора.
- Всем отойти, – скомандовала вторая. Электроды приложили к груди Грейси. Тело судорожно дернулось, но линия на мониторе оставалась ровной, а писк монотонным. Новый разряд. И еще. Ничего.
- Лорна вырвалась от Энджи и вбежала в палату:
- Господи, Грейси!
- Ее перехватила медсестра.

– Пожалуйста, – рыдала Лорна Драммонд. – Скажите мне, что происходит!

Медсестра обняла ее за плечи и вывела в коридор.

– Ждите здесь, миссис Драммонд. Вы сейчас будете только мешать.

– Пойдемте, миссис Драммонд, – мягко сказала Энджи, пытаясь увести женщину от палаты.

Но мать снова вырвалась, прижав ладони к стеклу:

– Грейси! Грейси! Пожалуйста, не умирай! Только не сейчас!

Доктор Финлейсон взглянула на медсестру, державшую электроды. Та покачала головой. Доктор Финлейсон еще раз проверила пациентку, взглянула на часы и что-то сказала. Энджи похолодела: врач называла время смерти.

Странный, тонкий, нечеловеческий вой вырвался из горла Лорны Драммонд. Она развернулась и с кулаками набросилась на Энджи, попадая по груди, лицу и рукам:

– Это ты, ты виновата! Ты увела меня от постели ребенка! Из-за тебя моя доченька умерла в одиночестве!

Энджи молча стояла под этим жалким натиском. Она не отступила и даже не перехватила рук Лорны Драммонд, не попыталась остановить обезумевшую женщину. Это ей за пренебрежение к собственной матери. За все плохое, что она совершила в жизни.

Наконец обессиленная Лорна Драммонд соскользнула на пол, проехавшись по Энджи до самых ее байкерских ботинок, и неудержимо зарыдала. Две медсестры уже бежали на помощь.

Энджи, справившись с комком в горле, отступила, мысленно поблагодарив медиков за вмешательство. Глубоко, с усилием, дыша, она по длинному коридору вышла из отделения интенсивной терапии и уже из холла, с пересохшим ртом, позвонила Веддеру.

– Она только что скончалась, – сказала она в трубку, услышав «алло». – Ее звали Грейси Мэри Драммонд, шестнадцать лет, через несколько дней должно было исполниться семнадцать. Заканчивала школу Дюнэйгл.

Говоря это, Энджи заметила взбешенного Хольгерсена, направлявшегося к ней.

– Это что за отношение такое, Паллорино? – начал он на повышенных тонах, наставив палец чуть не в лицо Энджи. – Еще раз так сделаешь, и...

– Она умерла.

Хольгерсен замолчал и медленно опустил руку.

– Все-таки утонула, хоть и на больничной койке. – Энджи в упор смотрела на Хольгерсена. – Иногда дела не ждут, пока ты отолеешь или перекуришь.

Глава 11

В четверть двенадцатого в редакции «Сити Сан», в отделе новостей, у Мерри Уинстон зазвонил телефон. Абонент не определился.

– Мерри слушает, – ответила она.

– Личность установили, но потерпевшая скончалась. – Голос был искаженный и металлический, как у робота. Не мужской и не женский.

Сердце Уинстон забилося с перебоями. Она незаметно огляделась, проверяя, не слышали кто. В воскресное утро кто-то из сотрудников был дома, другие ушли пить кофе или выехали делать репортаж. Мерри вообще не брала выходных. Ей нужно было кое-что доказать, и она жила работой. Мокрая от дождя и снега куртка сохла на стуле у пустого соседнего стола: Мерри промокла как мышь возле верфи: не получилось прорваться за полицейские кордоны. Копы молчали, как немые, однако в толпе нашлись свидетели, видевшие, как в канале под мостом Джонсон-стрит плавало тело. Уинстон приехала в редакцию, чтобы сделать пару звонков в надежде что-нибудь разузнать.

– Вы о неизвестной в больнице Сент-Джуд? – уточнила она, незаметно включая запись. Молчание.

В голове от прилива адреналина сразу прояснилось: не в первый раз ее таинственный информатор делился секретными сведениями. Он (Мерри отчего-то казалось, что звонит мужчина, хотя маскировка была весьма профессиональной) и раньше подбрасывал наводки, которые могли исходить лишь от хорошо осведомленного работника полиции.

– И кто же она?

– Грейси Мэри Драммонд, шестнадцать лет, ученица Дюнэйгл.

Мерри торопливо записывала информацию.

– Что еще можете сказать? Причина смерти?

– Утопление.

– Как, в больнице?!

– Еще ее изуродовали в области гениталий и вырезали на лице распятие.

В животе Мерри будто ухнул тяжелый камень. На секунду она потеряла дар речи, но, кашлянув, тихо попросила:

– Можете повторить?

– На лбу вырезали распятие и провели обрезание острым лезвием. Еще у нее срезан клоч волос.

– Откуда вам известны такие подробности?

Линия опустела.

– Подождите! Вот сволочь...

Мерри покосилась в сторону стола редактора воскресного номера: ну разумеется, его тоже нет на месте! Да что ж за... Она забежала по кабинету, присела, но тут же вскочила снова. Ее била нервная дрожь. Ничего себе... Информацию нужно проверять.

В каком смысле – утонула? Прямо на больничной койке, что ли?

При чем тут обрезание?

Прядь волос.

Распятие на лбу...

«Может, он меня дурачит? Откуда он знает?»

Голос из прошлого змеей вполз в уши, выбравшись из-за намертво запечатанной дверцы в самом глубоком подвале памяти:

– «Отрекаешься ли ты от Сатаны, отца и князя всякого греха, и от всех дел его и искушений его? Отрекаешься ли ты от соблазнов несправедливой жизни, чтобы грех не господствовал над тобой?»

Мгновенно вспотев, Мерри набрала пресс-службу городской полиции. Включился автоответчик. Оставив сообщение, Мерри позвонила в больницу. Как она и ожидала, там информацией не поделились. Она вбила в поисковике «Грейси Мэри Драммонд» и нашла страницу в «Фейсбуке», но аккаунт оказался закрытым, и Мерри не смогла увидеть, кто у Грейси в друзьях, или прочесть посты. Были еще упоминания о Грейси Мэри Драммонд в связи с выступлениями школьного хора, а больше ничего.

Мерри снова позвонила в пресс-службу – опять автоответчик. Она оставила новое сообщение.

Она ждала, меряя шагами кабинет.

Никто не перезванивал. Громко тикали часы.

Неужели он вернулся? Разве такое может быть? Она возьмется за этот сюжет – ей нужно докопаться до истины. Строго говоря, она не имела права включать в статью непроверенные сведения из анонимного источника, но странный голос ее еще не подводил. Какую цель преследовал звонивший, Мерри предполагать не бралась, но его информация всегда была абсолютно верной.

В ней росло отчаяние, после которого всегда возникало острое желание «поправиться». Мерри уже и забыла это будоражащее томление, но сейчас оно лишь усиливало бушевавший в ней смерч. После слов о распятии на лбу голова у Мерри была словно в огне. Прядь волос... Она опустила на стул, закусив губу.

Мелко тряся ногой от нетерпения, она открыла страницу в «Твиттере», где обычно анонсировала свой блог криминальной хроники – «Файлы Уинстон». В частном блоге она язвила, провоцировала и поднимала вопросы, которых не могла коснуться в рамках «Сити Сан». Мерри надеялась начать выкладывать подкасты и снять настоящий криминальный сериал вроде знаменитой «Серии». В своем блоге Мерри, по газетным стандартам, ходила по краю, но покамест дерзкая духом «Сан» смотрела на это сквозь пальцы: каждый выпуск блога Уинстон становился сенсацией, это привлекало читателей, а на повестке дня хиреющего таблоида первым пунктом значилось не закрыться окончательно и укрепить свои позиции, становясь все желтее и скандальнее. За страницей Уинстон в «Твиттере» и ее блогем уже пристально следили уважаемые новостные каналы радио и телевидения, и она, черт побери, станет независимой звездой уголовной хроники, пробившись исключительно за счет своего таланта! Мерри Уинстон нужно показать, как далеко она ушла от детского приюта и бродяжничества – ведь когда-то ей приходилось торговать своим телом ради дозы метамфетамина.

«Ты отвергаешь Сатану, отца и князя всякого греха?»

После изнасилования она, что называется, взялась за ум – зверское нападение стало для нее последним звоночком. Пастор Маркус из Харбор-хауса помог ей выбраться на прямую дорогу и вытаскивал всякий раз, когда Мерри случалось сорваться. Пропавшие дети, изнасилованные женщины, наркоманы, проститутки – да, ей было что рассказать и доказать. Теперь она торговала чужими несчастьями вместо своих, поднося неаппетитные подробности под самый нос так называемой толпе. Это стало ее ответным «сам пошел!» миру. Чем сенсационнее и сальнее сюжеты, тем проще Мерри оплачивать счета.

И все же сейчас она колебалась.

«Отвергаешь ли ты Сатану, отца греха и князя тьмы? Отвечай! Говори: «Отвергаю!»»

Проглотив комок в горле, она стиснула зубы и начала быстро печатать твит.

– «#ДевушкаНаКладбище. Ученица средней школы Дюнэйгл Грейси Мэри Драммонд, 16 лет, изнасилованная на кладбище, скончалась».

Мерри остановилась. От пота щипало верхнюю губу. Она допечатала:

– «Она подверглась обрезанию. На лице вырезано распятие. Похищена прядь волос».

Она зажмурилась, стараясь прогнать отрывочные воспоминания, раскаленными каплями прожигавшие ее несчастный мозг. Она помнила глаза насильника – видела в прорезях лыжной маски – и слова, которые он говорил, приставив нож к ее шее и заставив опуститься на четвереньки. С нарисованным красным распятием на лбу Мерри очнулась в овраге среди сорняков. У нее шла кровь и страшно болело внизу и сзади. Трусов она не нашла, а в волосах надо лбом топорщилась короткая щетина на месте срезанной пряди.

Ярость и страх взорвались в ней гранатой. Мерри Уинстон открыла глаза, прерывисто вздохнула и ударила пальцем по клавише «Ввод».

Твит отправлен.

Мерри начала печатать пост для своего блога.

Глава 12

Новый плоский телевизор на стене в кабинете Зака Рэддисона был настроен на местный канал круглосуточных новостей. Кабинет Зака был смежным с кабинетом мэра, и одним глазом Зак смотрел новости, не забывая руководить грузчиками, которые специальной воскресной доставкой привезли для мэра новый стол.

Утренняя «Сити Сан» вышла с шокирующей статьей на первой полосе о зверском нападении на неизвестную на кладбище Росс Бей, и репортерша, эта задиристая шавка Мерри Уинстон, приплела к делу и нового мэра, упомянув Киллиона и статистику уголовных преступлений, а также пропавшую студентку местного университета Аннелизу Йенсен. Это, конечно, таблоидная чушь, в лучшем случае – погоня за сенсациями и нагнетание страха, но Зак по личному опыту знал, насколько мощным инструментом может оказаться сеющая панику шумиха. Он использовал Мерри Уинстон в ходе избирательной кампании, втихую скармливая ей информацию, подрывавшую репутацию кандидата-соперника.

Но фонтан по имени Мерри не затыкался, хотя Киллион практически сел в кресло мэра, а это уже проблема.

В довершение всего ранним утром из-за полицейского ЧП (из канала выловили тело женщины) в городе едва не случился транспортный коллапс. Утопленница не давала Заку покоя – он уговаривал себя, что это не может быть *она*, однако следил за развитием событий, с трудом сохраняя самообладание.

– Вон туда, ближе к окну, – велел он грузчикам, тащившим стол.

Всего через два дня вновь избранный мэр Джек Киллион будет приведен к присяге как глава законодательной власти в городе. Зак как руководитель его успешной избирательной кампании уже стал правой рукой и «особым советником» нового мэра с задачей всячески развивать и укреплять бренд «Киллион». Эта должность подходила Заку как нельзя лучше и обещала со временем дорасти до чего-то большего.

Его отца, Джима Рэддисона из «Рэддисон индастрис», называли «делателем королей», и Зак был достойным сыном своего «делателя». Сейчас Зак праздновал свою первую большую победу – избрание Киллиона. С самого начала избирательной кампании Зак был, что называется, на переднем крае и занимался этим с удовольствием. В двадцать восемь лет он помог человеку сесть в такое кресло!

Он и сам станет «делателем королей».

– Нет, нет, сдвиньте левее, к свету, – велел Зак. Грузчики с натугой передвинули стол влево.

Отставным мэром была женщина, Патти Маркхэм, и это проявилось в оформлении кабинета. Зак это поправит – Киллион должен выглядеть воплощением мужественности. Этаким локомотив, деловой лидер и новатор, который не привык выбирать выражения.

Кабинет уже перекрасили, и на стенах были развешаны новые фотографии – глянцевые, черно-белые: от шедевров викторианской архитектуры начала девятнадцатого века до строящихся зданий, в том числе крупного жилого массива на берегу, которым занимался Рэй Нортон-Уэллс. Работы известного фотографа мастерски отражали прошлое и будущее, красноречиво говорили о власти, контроле, экономическом росте, новых рабочих местах. Это и жесткая позиция по отношению к преступности помогли пропихнуть Киллиона на этот пост. Теперь у них четыре года на то, чтобы зарекомендовать себя и улучшить показатели к очередным выборам, потому что Киллион метит выше. Он намерен баллотироваться в лейтенант-губернаторы провинции, а там и в премьер-министры, и Зак планировал пройти с ним весь путь к заветной цели.

Внизу экрана вдруг появилась крупная надпись «Срочная новость». Камера переключилась на дикторшу в студии. Зак на мгновение окаменел, уставившись в телевизор.

– Предупреждаем, следующий сюжет весьма натуралистичен и может шокировать наиболее впечатлительных зрителей, – сказала диктор. – Только что в больнице скончалась юная жертва вчерашнего зверского изнасилования на кладбище Росс Бей. Удалось выяснить, что это шестнадцатилетняя Грейси Мэри Драммонд, жительница Фэрфилда и ученица средней школы Дюнэйгл...

Что?!

С забившимся сердцем Зак схватил пульт и прибавил звук. Ох, вот это плохо, из рук вон плохо... Он едва заметил, как ушли грузчики.

– Причина смерти Драммонд, по словам ее матери, как ни странно, утопление. С Лорной Драммонд сегодня утром связывались репортеры Ви-эн-эн, после того как в «Твиттер» просочилась шокирующая информация от одного репортера криминальной хроники. Полиция Виктории не дает никаких комментариев, кроме стандартного «ведется расследование», однако Лорна Драммонд подтвердила Ви-эн-эн, что ее дочь была погружена в воду и искалечена в области половых органов – ей провели так называемое женское обрезание. На лбу неизвестным острым орудием вырезано распятие, кроме того, похищена прядь волос...

В углу экрана появилась школьная фотография Грейси Драммонд.

Стылый ужас рос в животе Зака, пока он смотрел и слушал все это.

– Окровавленную Драммонд оставили без сознания у подножия статуи Девы Марии на кладбище Росс Бей в одну из самых холодных ночей за всю историю местного метеонаблюдения...

У Зака зазвонил сотовый. Он ответил, не отрывая взгляд от экрана:

– Да?

– Новости видел? – спросил Киллион.

– Сейчас смотрю.

– Нужно браться за это, прежде чем оно возьмется за нас, иначе жесткая позиция по отношению к преступности лопнет нам в физиономию в первый же день. Что еще за просочившийся твит, на который они ссылаются?

– Не знаю. – Зак подошел к компьютеру и щелкнул по значку «Твиттера». Бли-ин... – Это она, – тихо сказал он. – Мерри Уинстон из «Сан». Она выложила этот твит сегодня в одиннадцать сорок пять.

Глава 13

Смерть – великий уравнитель.

– Разразился настоящий медиашторм... из дерьма, – бормотал Лео, жуя жвачку с ароматом корицы, пока они смотрели, как двое лаборантов взвешивают тело утопленницы в мешке. Он взглянул на Мэддокса снизу вверх: – Ты-то слышал?

Мэддокс кивнул.

Прошло почти шесть часов после того, как тело покойницы достали из залива, и вот они в морге, в четыре часа дня в воскресенье. Холодное, без окон, помещение с кафельным полом и стенами. Металлические столы, раковины и «фартуки» над раковинами. Беспощадный белый свет тихо жужжащих над головой флуоресцентных ламп. Вдоль стены ряд застекленных шкафчиков с орудиями этого специфического ремесла – всякие прилады для разрезания костей, одноразовые щитки для лица и прочее. Лабораторные халаты, когда-то белоснежные, а теперь с красновато-бурыми пятнами, понуро висели возле электронных дверей, открывавшихся с тихим шипеньем.

В комнате стоял запах, который у Мэддокса прочно ассоциировался с моргами: сырое мясо, кровь, формалин и дезинфектант. Запах напоминал ему лавку мясника, куда он однажды в детстве заходил с бабушкой.

В Британской Колумбии вскрытия проводятся в течение сорока восьми часов после смерти, но это тело пошло без очереди: офис коронера находился в ведении генерального прокурора, и, ввиду сенсационных новостей, явной утечки ни много ни мало из управления полиции, задержанности шефа полиции и давления нового мэра и руководства столичной полиции, поступило распоряжение от заместителя генерального прокурора незамедлительно провести судебно-медицинскую экспертизу выловленного из воды тела.

По закону, согласия ближайших родственников для вскрытия не требовалось. Кроме того, было неясно, кого, собственно, информировать, – пока не развернули пленку и не собрали улики, указывающие на место преступления. Мэддокс и Лео присутствовали на вскрытии, чтобы сразу прибрать вещдоки, буде таковые обнаружатся. Однако уже было ясно, что утопленница не Аннелиза Йенсен, как предположили газеты.

Сразу после исчезновения Аннелизы Йенсены предоставили следователю копии зубной карты своей дочери и сдали образцы ДНК. Из карты явствовало, что Аннелизе Йенсен за свою жизнь почти не приходилось обращаться к стоматологу, и никаких виниров она себе не ставила. А покойница с ее безгубым ртом и выставленным напоказ зубным рядом явно прошла серьезное стоматологическое вмешательство, как косметическое, так и лечебное – мосты, импланты верхних и нижних резцов и пломбы почти во всех «родных» зубах. Судя по всему, раньше у нее был не рот, а помойка.

Доктор Барб О'Хейган включила музыку. Мягкие звуки виолончели наполнили стерильное помещение, пока патологоанатом проверяла микрофон над металлическим столом и делала записи, сравнивая информацию на ярлыке пластикового мешка с сопроводительными документами и удостоверая, что это то самое тело. О'Хейган облачилась в просторный зеленый хирургический костюм, а сверху надела одноразовый пластиковый фартук. На ботинках – высокие бахилы. Лаборанты были в респираторах, но О'Хейган обходилась без маски. Мэддоксу уже доводилось видеть таких специалистов старой школы, использовавших собственный нюх. Запах при вскрытии важен, он может рассказать о многом.

– А утечка может быть от кого угодно, – не унимался Лео, пока О'Хейган натягивала латексные перчатки.

С тихим жужжанием скользнул вниз замочек молнии мешка. Ассистенты подняли замотанное в пластик тело с обглоданным лицом и длинными мокрыми волосами и положили на

металлический стол, слегка покатый и оборудованный водопроводным краном, чтобы смывать лишнее в сток вниз. Лео, стараясь не смотреть утопленнице в лицо, втирал себе под нос винтергриновое масло, после чего предложил пузырек Мэддоксу.

– Спасибо. – Мэддокс тоже мазнул кожу под ноздрами. Может, О'Хейган и нужно нюхать труп, но ему нет.

Темно-каштановые волосы покойницы были по-прежнему перевиты водорослями. Прежде чем что-нибудь трогать, это засняли.

– Слить инфу могли и фельдшера со «Скорой», – продолжал Лео, – и любая медсестра из реанимации. Даже кто-нибудь из врачей, не исключая. Господи, да сама мамаша могла кому-нибудь рассказать, у нее ребенка изувечили! Люди не в состоянии держать такое в себе, понимаешь?

Он болтал, буквально не закрывая рта. Мэддокс заподозрил, что это способ детектива Харви Лео справляться с проблемами, перетолковывая и отгораживаясь. У каждого в арсенале есть пара подобных инструментов, но Мэддокс предпочел бы, чтобы Лео заткнулся.

– С тем же успехом утечка может быть из управления, – невозмутимо возразил Мэддокс, глядя, как ассистенты О'Хейган тщательно осматривают пустой черный мешок в поисках улики, которые могли там остаться при транспортировке тела в морг.

– Ага, – хмыкнул Лео, – к этому выводу почему-то все сразу и приходят. Давай, вали все на копов. Дело ведут Паллорино и Хольгерсен – вот уж ей сейчас не позавидуешь: Хашовски застрелили пять месяцев назад, при этом погиб и ребенок, и его родители, а теперь еще и это! Я тебе говорю, если Гуннар решает, чья голова полетит, если в полицейском управлении ищут козла отпущения, ее упругая маленькая задница – отличная цель. Она – кандидат на вылет, помани мое слово.

Мэддокс поглядел на него сверху вниз: в глазах Лео горел огонек злорадства. Старый коп явно люто завидовал женщине-детективу, расследовавшей изнасилование на кладбище. Или воспользовался этой темой как способом отвлечься от невеселого зрелища на металлическом столе. Или и то и другое...

О'Хейган подняла голову:

– Приступим, джентльмены.

Она задержала взгляд на Лео, и Мэддокс почувствовал ледок в ее глазах: патологоанатом явно симпатизировала этой Паллорино. Подняв руку, О'Хейган включила микрофон над столом и объявила время и дату и что она начинает предварительный визуальный осмотр тела.

Свои наблюдения она озвучивала громко и четко, начиная с головы, пока ассистент фотографировал называемое с разных ракурсов:

– Почти вертикальный лоб и размер головы указывают, что это женщина. Верхняя и нижняя челюсти небольшого размера. При необходимости мы позовем одонтолога оценить проведенное вмешательство, но значительная косметическая работа видна невооруженным взглядом. Мягкие ткани лица в основном отсутствуют. По характеру повреждений можно предположить, что ткани съедены морскими креветками или иными ракообразными и беспозвоночными. Первыми, вероятно, были съедены более мягкие ткани губ, глазных век и ушных раковин.

Мэддокс шагнул вперед, чтобы лучше разглядеть. Лео за его спиной шуршал фольгой, разворачивая новую пластинку жвачки. О'Хейган опустила большое увеличительное стекло на раздвижной штанге и вгляделась в мутные выпуклые глаза. Виолончель зазвучала громче.

– Множественные точечные кровоизлияния, – тихо сказала она, приближая лупу со встроенным фонариком.

Мэддокс хорошо знал, отчего возникают точечные кровоизлияния, которые выглядят как маленькие красные или фиолетовые пятнышки: значит, в глазах лопались капилляры. Причиной этого обычно является возросшее давление на шейные вены при перекрытии дыхатель-

ных путей. Наличие точечных кровоизлияний убедительно доказывает асфиксию как причину смерти, будь то удушение руками, повешение или лишение воздуха.

– Причем, похоже, возникли они в несколько приемов, – добавила патологоанатом.

– Как будто ее душили, отпускали и снова душили? – уточнил Мэддокс. – Вроде эротического удушения или контроля дыхания для сексуального возбуждения?

– Возможно, – согласилась О'Хейган. – Наличие петехий не доказывает удушения, а их отсутствие не свидетельствует о том, что удушения не было: это просто маркер избыточного давления в венах головного мозга. Но в восьмидесяти пяти процентах случаев удушения руками присутствуют точечные кровоизлияния в глазных яблоках. Для этого всего-то нужно тридцать секунд непрерывного давления.

Она передвинула лампу и осмотрела второй глаз.

– При пережатии сонных артерий резкое прекращение поступления крови к мозгу и накопление углекислого газа может привести к ощущениям головокружения и удовольствия, усиливающих чувственность. В сочетании с оргазмом этот «кайф», как уверяют, производит не менее мощный эффект, чем кокаин, и тоже вызывает зависимость.

Крещендо виолончели резко сменилось вкрадчивым шепотом. Лаборанты расчесывали волосы неизвестной, вынимая морские водоросли и сор. Мелких беспозвоночных и посторонние частицы скрупулезно фиксировали и раскладывали в пакеты, документируя каждый фрагмент вещественных доказательств. Флора и фауна в волосах утопленницы помогут определить время с момента смерти и место, где неизвестная попала в воду и откуда, соответственно, ее принесло течением.

– Клок волос срезан, – вдруг сказал один из ассистентов. – Прямо по линии роста волос, в центре лба.

Мэддокс покосился на Лео. Оба помнили о срезанной пряди у Грейси Драммонд – об этом уже кричали все СМИ. Ассистенты О'Хейган сделали фотографию щетины на месте среза.

О'Хейган начала описывать шею покойницы.

– Веревка, удерживающая пленку у шеи, визуально не отличается от веревки, которой пленка перевязана ниже на теле. Узлы на вид тоже одинаковые. – Измерив длину свободного конца, О'Хейган добавила: – Три метра девяносто пять сантиметров от узла на горле.

– Похоже на полиэстеровый шнур. Должно быть, веревка трехрядная, – тихо подсказал Мэддокс. – Распространенное морское снаряжение, можно найти где угодно. Недавно сам купил несколько метров такой. А узлы рифовые. Любой моряк, скалолаз, бойскаут и рыбак умеют вязать такие узлы.

– У тебя яхта? – поинтересовался Лео.

– Угу, – буркнул Мэддокс, пристально глядя, как О'Хейган переключилась на пластиковую пленку, ища внешние следы – волосы, фрагменты ткани. Вдруг она взяла пинцет и осторожно извлекла что-то крошечное из волокон веревки.

– Похоже, какие-то волосы застряли в одном из узлов и запутались в грубом плетении веревки. – Она снова опустила лупу и начала аккуратно извлекать и рассматривать улику. – Некоторые до двух сантиметров. Есть и светлые, и темно-каштановые. Один белый, жесткий. – О'Хейган помолчала. – Довольно много, но это не волосы, а шерсть животного. И шерсть, и подшерсток.

– Кошка, собака? – поторопил Лео.

– Это нам в лаборатории скажут, – отозвалась О'Хейган. – Шерсть состоит в основном из белка кератина. У каждого вида животных она характерной длины, цвета, формы, со своеобразной луковицей и микроскопическими особенностями, которые позволяют экспертам определять хозяина шерсти.

Волоски отправились по отдельности в бумажные конверты, которые надписывали лаборанты.

– Может помочь определить место преступления, – негромко сказал Мэддокс. – По моему, на суше, потому что шерсть не морского обитателя.

Виолончель заиграла еле слышно, создавая подспудное напряжение в ожидании очередного крещендо. Шли минуты.

Мэддоксу стало жарко, несмотря на холод морга. Стальные инструменты звякали о раковину.

– На полиэтиленовой пленке имеются царапины и порывы, – сказала О'Хейган. – Возможно, это ее течением тащило по дну...

Повреждения были сфотографированы и записаны.

– Давайте-ка перевернем.

Лаборанты помогли О'Хейган перевернуть утопленницу в пластиковом коконе на живот.

– Борозды на затылке почти четыре сантиметра глубиной и отстоят друг от друга на девять сантиметров. – Из одной раны О'Хейган извлекла извивающуюся креветку, которая тоже отправилась в один из пакетов.

– Жрали ее мозг... Вот черт, – прошептал Лео.

Мэддокс глубоко вдохнул, чтобы успокоиться, но тут же пожалел об этом – в нос ударили резкие запахи смерти и морга.

Снова защелкал фотоаппарат. О'Хейган диктовала данные визуального осмотра с головы до ног. Под пластиком были отчетливо заметны темно-фиолетовые следы.

– Трупные пятна? – предположил Лео.

– Или синяки, – сказала О'Хейган. – Узнаем, когда развернем.

Закончив с осмотром, она велела помощникам снова положить труп на спину.

– Стало быть, она участвовала в какой-нибудь эротической игре с удушением, и что-то пошло не так, – тихо сказал Лео. – Или же ее вполне традиционно задушили, а потом завернули в пленку и выбросили в воду. Течениями и приливом ее таскало по дну, наконец в теле образовались газы, она всплыла, попала под винты, снова пошла на дно и каким-то образом оказалась в канале, под мостом Джонсон-стрит...

– Может, подождем с версиями, пока не развернули пленку? – перебил Мэддокс.

Лео полоснул его взглядом, сжав рот в тонкую полоску.

– Так, давайте открывать, – распорядилась О'Хейган.

Струны виолончели стонали, сойдясь в яростной какофонии, становившейся все пронзительнее.

– Хоть бы она выключила эту дрянь, – пробормотал Лео, доставая новую жвачку. – Какой-то Йо-Йо Му, или Ма³... Всякий раз это дерьмо ставит.

О'Хейган аккуратно разрезала слои плотной мутной пленки, отгибая их один за другим, словно доставала куколку из кокона. Куколку, которая никогда не станет бабочкой... Кожа утопленницы была прозрачно-белой, с голубыми жилками, соски маленькие, темно-розовые. Через прокол в левом соске было вставлено золотое колечко.

– Удивительно хорошая сохранность, учитывая состояние лица, – отметила О'Хейган, обнажая плоский живот покойницы, согнутые руки которой были сложены одна поверх другой. Патологоанатом разрезала новую веревку и отогнула пленку.

Все сразу увидели татуировку, и в комнате стало очень тихо.

– Мать твою, – прошептал Лео, позабыв про отвращение к утопленникам и подавшись вперед.

Разъяренные змеи извивались внизу живота потерпевшей – змеи, росшие из головы Медузы горгоны. Открытая в крике пасть, усеянная заостренными зубами, приходилась прямо на бритый лобок, словно вагина – это пасть Медузы, и все, что вставят Медузе в «горло»,

³ Йо Йо Ма – американский виолончелист китайского происхождения.

будет сожрано заживо. О'Хейган остановилась и нахмурилась. У Мэддокса возникло нехорошее предчувствие.

Наклонившись, патологоанатом осторожно раздвинула большие половые губы, словно раскрывая Медузе рот.

Виолончель заиграла едва слышно.

О'Хейган подняла голову, глядя на детективов прямо и серьезно.

– Капюшон и головка клитора и малые половые губы отсутствуют, – тихо сказала она. – Ей сделали обрезание.

Несколько мгновений детективы молча смотрели на О'Хейган.

Двери с шипением разъехались, отчего все так и подскочили.

– Привет, док! Кто-нибудь желает пообедать или перекусить?

Обернувшись, Лео и Мэддокс увидели пухлую блондинку, которая вкатила в морг столик-тележку с едой. Она казалась существом из привычного внешнего мира, ненароком вторгшимся в эту альтернативную реальность ужаса, холода и смерти.

Креститель

*Ибо вот, в беззакониях я зачат, и во грехах родила меня мать моя.
Псалом 50:5*

Был вечер воскресенья, когда он положил три рулона клейкой ленты и коробку экстра-тонких синих латексных перчаток в тележку для покупок «Драгги март» в бухте Джеймс. У него закончились перчатки, а он всегда имел при себе пару, как детектив. Когда-то он пытался стать полицейским, но на предварительном осмотре выяснилось, что он не различает зеленый и красный цвета. Полноценное цветовое зрение было одним из минимальных требований для поступления в столичную полицию. До этого он и не подозревал о своем дальтонизме.

Тем не менее он выучился думать как коп – учиться же полицейский думать как преступник. У прохода с белковыми коктейлями он замедлил шаг и взял с полки банку своего любимого коктейля. Дорого, но оно того стоит. Тело – это храм.

«Уход за собой – признак уважения к себе, мальчик Джонни...»

Он пробегает минимум сорок километров в неделю, качается в парке на бесплатных тренажерах. От этого он всегда собран. Силен. В форме. Ему нравится собственное тело. Женщинам тоже нравится: это читается в их взглядах, когда он в солнечную погоду тренируется полуголым.

Войдя в отдел косметики, он нашел помаду, которую искал (темно-красную, оттенка «румяная вишня»), и покатиł покупки на кассу. Магазин на его же улице – ему нравилось ходить пешком. Машина у него предназначена для частных ночных дел, когда нужно перевезти что-нибудь большое и тяжелое, поэтому сегодня она, надежно закрытая, стоит в гараже...

– Как мамаша? – спросил владелец магазина Оливер Тэм, начиная пробивать покупки. «Драгги март» – маленький семейный магазинчик, и Тэм часто стоит за кассой сам. Маме нравится этот Тэм – она поддерживает местных торговцев, которых еще не разорили сетевые универмаги.

– Хорошо, – ответил он, выкладывая на прилавок помаду и протеиновый коктейль. – Ей гораздо лучше. – Он рассеянно взглянул на проволочный стенд у кассы и замер, не закончив движения, при виде газетного заголовка:

«Зверское изнасилование на кладбище Росс Бей! Молодая женщина в коме».

Так он впервые узнал эту новость.

Вчера он лег поздно. Так устал на работе, что проспал большую часть сегодняшнего дня и проснулся лишь около пяти вечера. Тэм кивнул на первую полосу «Сити Сан»:

– Жуткое нападение на девушку, – сказал он. – Это утренний выпуск, но по радио уже сказали – скончалась. Всего шестнадцать лет! Причина смерти – утопление. Как, черт побери, можно утонуть в больнице?! – Тэм отставил в сторону первый пакет с покупками. – По радио передали, что ей сделали обрезание, а на лбу вырезали распятие. А еще у моста Джонсон-стрит сегодня утром выловили тело, все завернутое в пластик. Говорят, это та девушка, что пропала две недели назад. С отличным же настроением мы встретим Рождество... Новому мэру лучше побыстрее сдержать свои обещания.

От этих слов он очнулся, оторвав глаза от заголовка:

– Какая пропавшая девушка?

– Студентка Университета Виктории, восемнадцать лет. Исчезла с территории кампуса неизвестно куда. Аннелиза... Йенсен, вот как ее зовут.

Он взял газету со стойки, прочел первый абзац и взгляделся в черно-белый снимок детективов из отдела по борьбе с сексуальными преступлениями. Они выглядели как два призрака

под густыми хлопьями снега в свете вспышки. Впечатление усиливало попавшее на фотографию сведенное гримасой лицо горгульи, высеченной на каменной стене.

– Эти детективы и сами не лучше преступников, за которыми гоняются, – постановил Тэм. – Газетку берете?

– Да. – Он положил газету на прилавок. – И пачку легких ментоловых.

– Вам надо убедить ее бросить курить, – улыбнулся Тэм, на секунду обернувшись к стенду и положив сигареты на прилавок.

Встретившись взглядом с Тэмом, он сверкнул в ответ своей широкой ослепительной улыбкой. Эта улыбка вызывала у людей доверие. Искренняя или нет, она расцветала вместе с ямочками, начисто стирая логику в мозгу некоторых женщин. Он сразу распознавал таких дамочек – в них угадывалась эмоциональная зависимость.

– Так она меня и послушает, – отозвался он. – Да, и один билетик «Быстрого выбора».

Постер на стене магазина гласил, что в следующем тираже разыгрывается до пятнадцати миллионов. Ему совсем не помешает выиграть несколько миллионов, учитывая ситуацию с работой.

Тэм пробил итог и подал лотерейный билет.

– Передавайте маме привет.

– Обязательно, – пообещал он, забирая пакеты.

Дорога домой показалась неожиданно долгой – было холодно и ветрено. Когда он вернулся в аккуратно покрашенный домик постройки начала века, то повесил куртку у входной двери и начал разбирать покупки. Затем он зажег огонь в камине, включил записанную серию «Улицы Коронаций» и присел почитать газету.

Стало быть, ее нашли живой.

Это серьезный промах. Пожалуй, он немного поторопился, решив, что она мертва, когда оставлял ее на кладбище. Впредь нужно будет проверять.

Неуклюжий Джонни, глупый, глупый, ах, глупый мальчишка...

Он вскочил и принялся ходить по комнате, стискивая кулаки, потом снова взял газету и начал читать дальше, запомнив имена детективов: Энджи Паллорино и Кьель Хольгерсен. Ну и имечко... Может, нужно произносить Киль? Или Кейль? Или Кайгель?

Энджи. С этой, по крайней мере, проще.

Самодовольство смешивалось в нем с разгоравшимся сексуальным возбуждением.

Ну что ж, играем, детективы. Вам не поймать Джонни. Вот увидите, Джонни снова ускользнет. Никто еще не поймал Джонни, глазастого Джонни, а Джонни развлекается уже много лет...

А теперь развлечение превратилось в миссию. У него появилась высшая цель.

Спаси дрянных девчонок, Джонни... Сделай их хорошими девочками...

Он взял со стола новую помаду, открыл и аккуратно покрасил себе губы. Открыл новую пачку ментоловых сигарет, вставил одну в рот, зажег и положил на край пепельницы на кухонном столе. Сигарета тлела, выпуская кудрявый дымок вроде ладана. Это для создания атмосферы. Это возбуждает. Он сходил вниз, принес шкатулку для шитья и поставил на стол, присел сам и только после этого открыл крышку. Катушки с разноцветными нитками, иглы, пуговицы. Пузырек клея и ультрафиолетовая ручка-фонарик.

В нижнем отделении лежала прядь волос, приводить которую в порядок вчера у него не было сил.

Он достал волосы. Прелестный каштановый оттенок.

Напевая под нос, он открыл клей и макнул туда кончик пряди. От резкого запаха слезились глаза и щипало в носу. Он посветил ультрафиолетовым светом, подсушивая клей, и через две или три секунды краешек пряди стал гладким и блестяще-твердым. Теперь волосы надежно скреплены. До недавнего времени для отделки своих трофеев он использовал лак для

ногтей, но волосы приходилось фиксировать, пока не высохнет лак. Это занимало время, и иногда прядь прилипала к поверхности, на которой сохла. Но потом он увидел документальный фильм на спортивном канале про вязание мушек, где один рыбак использовал для своих мушек светоотверждающий клей, и дело пошло как по маслу.

Запах клея уже стал для него импульсом, сформировав свой нейронный путь, по которому возбуждение от ноздрей сразу попадало к низу живота. Эрекция уже наступала, и он шире раздвинул ноги, наслаждаясь ощущением. Он взял из шкатулки матери катушку малиновых ниток-мулине и обвязал каштановую прядь крошечным бантиком.

Он поводил прядью по верхней губе, упиваясь шелковистой щекоткой. Закрыв глаза, он ощутил ее запах, будто она снова с ним. Он чувствовал ее, видел мягкие темные ресницы на упругих щеках, ощущал атлас кожи. Он тихо застонал, когда пенис напрягся до предела, почти болезненно. Нежная девочка... Которую пришлось наказать, прежде чем она спасется...

Звук голоса смешивался с ароматом ментолового дымка, из телевизора доносилась музыкальная тема «Улицы Коронаций»:

«Спаси девушек, Джонни...

Джонни – плохой мальчишка. Джонни любит подсматривать, как любопытная кошка... Очень плохой мальчик Джонни. Подглядывать за хорошими девочками, желать девушку... Нужно Джонни оттереть...»

Он задышал часто и коротко, глядя в одну точку. Сердце забилося так быстро, что у него закружилась голова. Он вскочил, опрокинув табурет, и поспешил в ванную искать перчатку для пилинга. Натянув ее на руку, он расстегнул брюки и взялся за пенис, глядя в глаза своему отражению в зеркале. Фотографии обнаженной Грейси были приклеены скотчем по сторонам зеркала. Он начал водить жесткой мочалкой вверх и вниз, вверх и вниз, в такт увещеваниям голоса, жестче, сильнее, быстрее, боль перешла в невыносимо острое удовольствие... Три сильнее... Отскребай Джонни... Очищай Джонни... На глазах выступили слезы боли и удовольствия, слившихся воедино... Три лучше, сдирай кожу мочалкой... Перед глазами повис алый туман...

Глава 14

– Я не вовремя? – спросила женщина с пухлыми щеками, остановив тележку с едой.

Мэддокс кашлянул и перехватил взгляд доктора О'Хейган. Невысказанные слова о сходстве со случаем на кладбище тяжело повисли в безжизненном воздухе. Взглянув на часы, патологоанатом выключила микрофон.

– Здесь возни еще надолго, – сказала она. – Прервемся перед вскрытием, а, джентльмены? Возобновим, скажем, минут через сорок пять?

– Пожалуй, – тихо согласился Мэддокс, взглянув на свои часы. От прилива адреналина ему стало жарко. – Мне нужно созвониться с Базьяком. Лео, попробуй кого-нибудь уговорить поработать сверхурочно и пробить по базам Медузу на нашей неизвестной. Не исключено, что на нее что-нибудь есть в системе.

Господи, Джек-О так и сидит в машине! Срочно нужно найти сиделку для пса, хотя бы на время расследования. Он уже договорился с одной, но в последний момент она отказалась.

– Какие у тебя сэндвичи, Ханна? – спросила О'Хейган женщину с тележкой, стаскивая перчатки и выбрасывая их в ведро. Открыв кран над раковиной, она мыла руки. От струи воды раковина ноюще вибрировала.

– С курицей и майонезом, с индейкой, салями и сыром, все с белым хлебом. Для вегетарианцев безглютеновый хумус. Больше, извиняюсь, ничего не осталось.

– В морг всегда в последнюю очередь, да? Что другие не взяли? – сказала патологоанатом, вытирая руки. – Как подвалу, так самый отстой?

– Но это же больничная еда! Вы сами говорили, что терпеть ее не можете.

– Да, я ее терпеть не могу, но времени куда-то ходить у меня нет.

– Оставить на стойке? – спросила Ханна, держа завернутый в пленку сэндвич.

– Да, спасибо. И еще кофе – сливки и два сахара. И «Сникерс». «Сникерсы» остались? Лео, наскоро щелкавший на свой мобильный татуировку с Медузой, изогнул бровь.

– В «Сникерсах» масса калорий, док.

– А мне всю ночь работать! Вскрытие – тяжелый физический труд, особенно когда применяешь пилу.

– А вам, детективы? – спросила пухлощекая женщина. – Что-нибудь будете?

Мэддокс поколебался, глядя на тележку:

– Да, с индейкой и салями, пожалуйста.

Продавщица подала ему завернутый сэндвич.

– За счет заведения, – весело сказала она. – Все равно выбрасывать. Детектив Лео?

– Ничего, – быстро ответил Лео, слегка позеленев лицом. Сунув телефон в карман и не сразу попав, он обошел тележку, направляясь к выходу. – Я дойду до кафетерия.

Автоматические двери с шипением разъехались, выпустив из морга Мэддокса и Лео.

– Как, блин, она может там есть? – не сдержался старый коп.

– Сообщи, когда что-нибудь выяснишь по татуировке, – сказал Мэддокс, сворачивая к пожарному выходу. В голом подвальном коридоре-кишке мигали перегоравшие лампы. Чрево больницы урчало от гула кондиционеров и гудения силовых установок.

– Ты куда? – удивился Лео.

– На лестницу. Нужно выпустить пса на прогулку. Базьяку позвоню с парковки.

– У тебя собака в машине?!

Мэддокс, не отвечая, толкнул дверь пожарного выхода и взбежал по лестнице, перемахивая через две ступеньки. Ему нужно было размять затекшие мышцы и прогнать из легких засевший там навязчивый запах морга. Вывалившись на улицу, он полной грудью вдохнул морозный

воздух. Мокрый снег прекратился, и Мэддокс, шагая к «Шевроле Импала», упивался чистым кислородом.

Пискнув пультом, он открыл дверь и заглянул в салон. Джек-О приподнял маленькую голову с заметной проседью.

– Привет, старина. – Мэддокс дотянулся и погладил пса. – Иди сюда. Давай-ка на прогулку. – Он пристегнул к ошейнику поводок, взял пса на руки и опустил в чистый размякший снег, покрывавший асфальт.

Пес неловко поковылял на трех лапах и помочился на переднее левое колесо.

– Видишь? – фыркнул смехом Мэддокс. – Теперь даже лапу задирать не надо. Во всем есть своя светлая сторона.

Он вынул телефон и позвонил начальнику, идя за Джеком-О, тянувшим его по парковке в маленькую нюхательную экспедицию.

– Базьяк, это Мэддокс. Похоже, у нас серийный убийца. – Он быстро обрисовал зловещее сходство следов на теле утопленницы и «кладбищенской девушки», о которой кричали газеты.

Базьяк долго молчал. Мэддокс рассеянно разглядывал окна больницы. За одним мигала огоньками наряженная елка.

– А распятие на лбу вырезано? – спросил наконец Базьяк.

– Визуально определить невозможно – лицо сильно объедено морскими рачками, но исключать нельзя. Рентген скажет больше.

Базьяк велел в любое время суток сообщать ему о новых находках, он пообещал получить разрешение на создание следственной группы и выделить помещение под оперативный штаб расследования.

По окончании разговора Мэддокс впервые за очень долгое время почувствовал прилив энергии. Он взглянул на часы и подхватил пса, ощущая ладонями тугие бока. Вернувшись к «Шевроле», Мэддокс расстелил на пассажирском сиденье запасную куртку и положил туда Джека-О. Уже опустились сумерки, и заметно похолодало. Мэддокс нашел бутылку воды и наполнил миску, которую утром бросил в машину. Развернув сэндвич с индейкой и салями, он за больничный счет принялся кормить с руки пса, отламывая кусочки и отправляя их в маленькую пасть. Из рта у Джека-О пахло, но шельмец явно умирал с голоду.

– Ну что скажешь, а? – сказал Мэддокс трехлапому джек-расселу в сотый раз, будто ожидая, что псу надоест, и он ответит. – Надо было назвать тебя Джон Дог, как Джон Доу, вот что!

Пес рыгнул.

– Ну ладно. Теперь тебе получше? Задашь храпака? – Мэддокс поглаживал пса по голове, и черт побери, если маленький смешной хвост не барабанил при этом по сиденью. Мэддокс улыбнулся – он впервые увидел, как Джек-О виляет хвостом, и неожиданно для себя растрогался. Он не собирался брать собаку, но однажды ночью их с Джеком-О пути пересеклись, и видеть, как после всех мытарств Джек-О виляет хвостом, было замечательно. Может, быть человеком и означает изменить к лучшему чью-то жизнь?

Он запер джек-рассела в машине, опустив стекла на полсантиметра. Времени еще хватит подняться в кафетерий, о котором говорил Лео, и найти что-нибудь получше черствого сэндвича.

Подкрепившись остатками индейки, Мэддокс с новыми силами зашагал ко входу в больницу. Первый день на новом месте, а ему уже досталось громкое дело – может, даже серийный убийца. Правда, к расследованию прилагался медиафейерверк... По опыту Мэддокс знал, что на таких делах можно сделать карьеру или же крупно погореть. Но этого он не допустит. Интуиция подсказывала, что он правильно сделал, переехав в Викторию.

Все обязательно наладится – и с Джинни, и с остальным.

Идя по больничному коридору, он набрал дочь, но у нее включился автоответчик.

– Привет, малышка, я только звоню узнать, как у тебя прошел день. Прости за утро. Мне досталось не дело, а конфетка – весьма перспективное. Скоро праздники, давай поговорим о планах на Рождество. Позвони мне, ладно?

Глава 15

Проехав по синему железному мосту, Энджи и Хольгерсен свернули в стремительно застраивавшийся портовый район.

Шел седьмой час вечера – они уже шестнадцать часов работали как проклятые, подкрепляясь кофе и всякой дрянью. Энджи почти не спала с четверга, поэтому голова казалась странно легкой и гудящей. Она сбросила скорость, подъезжая к автобусной остановке, где, по показаниям водителя автобуса, сошла Грейси Мэри Драммонд, торопясь на ночную смену в пекарне «Синий барсук».

Энджи с Хольгерсеном уже смотались в автобусный парк, переговорили с директором, узнали, кто вчера работал на маршруте, и нагрянули к нему домой. Гарри Воэн, водитель с большим стажем, всячески старался помочь, но никак не мог прийти в себя от потрясения. Притормаживая рядом с остановкой, Энджи обдумывала его слова: «Грейси была славная девочка – всегда приветливая, всем улыбалась... Фэрфилд – одна из первых остановок на моем маршруте. По субботам я работаю весь вечер и половину ночи. Да, вчера она сошла на остановке у «Синего Барсука». Да, я это хорошо помню».

– Здесь, – сказал Хольгерсен, вглядываясь через залитое дождем стекло. – Воэн сказал, что останавливался здесь в восемнадцать тридцать семь.

«На этом отрезке маршрута я всегда иду с опозданием из-за постоянного ремонта дороги, пробок, а вчера еще погода вон какая... Скоро Рождество, машин на дороге гораздо больше, особенно в выходной...»

– Значит, что, – попыток Хольгерсен. – Грейси Мэри садится на автобус у своего дома в Фэрфилде, на свое излюбленное место – по правую руку, у передней двери. В ушах у нее белые наушники – как обычно, слушает музыку на телефоне, по словам водителя. – Хольгерсен повернулся к Энджи. – Гарри Воэн явно обращал внимание на нашу Грейси. Что ты о нем думаешь?

– Пока не знаю, – коротко отозвалась Энджи, думая о показаниях водителя.

«– А кто еще сошел с Грейси на той остановке? – Двое мужчин. Хотя стоп, вчера только один, а вот неделю назад, по-моему, вышли двое. – Тот человек, который вышел с Грейси вчера, часто ездит на вашем автобусе? – Да. Обычно на той остановке выходят Грейси Мэри и этот тип. По-моему, он там живет, все время возвращается моим рейсом. Замкнутый такой, в глаза не смотрит. Коротышка, лет пятидесяти с лишним, по виду азиат. – А как выглядел второй человек, который вышел вместе с Грейси в прошлую субботу? – Высокий, подтянутый, в темной одежде. Вязаная шапка натянута чуть не до носа. Лица я особо не разглядел...»

– Здесь светло как днем – вон сколько фонарей, – продолжал Хольгерсен, подергивая себя за бородку. – Что-то произошло с Грейси, пока она шла от остановки до «Барсука». Здесь перестал отвечать ее телефон – из пекарни звонили и не дозвонились. Исчезла, как в воду канула. А ночью объявилась на кладбище Росс Бей у ног Девы Марии.

В техническом отделе весь день пытались отследить сотовый Драммонд, но безуспешно – аккумулятор либо сел, либо был вынут. Удалось получить распечатку ее звонков от оператора сотовой связи, что было весьма кстати: специалисты сейчас устанавливали ее контакты. Надо бы махнуть к Драммондам и изъять все электронные гаджеты, которыми пользовалась Грейси, но часики тикали: Энджи понимала, что у нее только сегодняшний вечер – утром дело наверняка передадут в убойный отдел.

По правилам, основное место преступления там, где жертва была найдена (в данном случае кладбище), однако собственно преступление началось в тот момент, когда преступник впервые перешел от намерения к действию. Стало быть, к месту преступления можно отнести любой участок, где отыщутся какие-либо следы. Энджи очень надеялась что-нибудь найти.

Выключив мотор, она натянула шапку, но не успела взяться за ручку двери, как запиликал сотовый. Звонил отец. Энджи не стала отвечать – сейчас включится автоответчик – и вместе с Хольгерсеном вышла из машины.

– Так, давай пройдемся ее маршрутом. – Энджи, зорко оглядываясь, медленно поворачивалась на месте. Висел плотный туман, низкое небо плевалось мокрым снегом. – Здесь она вышла из автобуса. «Синий барсук» вон там, у воды, за этими домами.

– Это заброшенная газовая станция начала девятнадцатого века, – сообщил Хольгерсен, мазнув лучом фонарика по ближайшему из двух кирпичных строений. – Скоро будут сносить и возводить новый квартал, вон схема на стене висит...

– Откуда ты знаешь, что раньше это были газовые станции? – удивилась Энджи.

– Я тебе говорил, Паллорино, я много чего знаю.

Удивленно двинув бровью, Энджи осветила старые шпалы, уложенные вдоль стены по периметру здания. Шпалы заросли гигантскими сорняками, засыпанными мокрым снегом.

– Значит, Драммонд идет отсюда туда. – Энджи направилась по тротуару, Хольгерсен пошел за ней. – Смена начинается в полседьмого, автобус опоздал, поэтому она спешит. Холод, ветер, мокрый снег. Драммонд идет, нагнув голову, в ушах наушники, ничего вокруг не замечает...

– Да, но на дороге полно машин, – вставил Хольгерсен.

– Ты вспомни, какая вчера погода была, – отозвалась Энджи. – Водители наверняка не по сторонам глазели, а внимательно следили за дорогой. – На углу квартала она свернулась с часами. – Так, от остановки две минуты. – Свернув за угол, они увидели аккуратную парковку с фонарными столбами, стилизованными под газовые фонари, и кафе-пекарню с неоновым-синим комичным барсуком на окне. Яркий теплый свет наполнял абажуры ламп на маленьких столиках... – Вот и пришли. – Детективы поднялись по ступенькам на террасу и остановились у стеклянных дверей. – Только Драммонд сюда не дошла. С ней что-то случилось по дороге.

Хольгерсен взялся за ручку двери, но Энджи, повинувшись неясному побуждению, обернулась и всмотрелась куда-то за край освещенной парковки. Кирпичные строения газовой станции с заколоченными окнами казались отсюда мрачными, зловещими громадами. Вдруг резкий порыв ветра сдул туман, клубами наползавший с воды, и между заброшенными домами открылся узкий проход, в начале которого спиной к Энджи стояла девочка в розовом платье – светящаяся и почти парящая в воздухе.

Ребенок медленно повернул голову и взглянул на нее через плечо. Лицо белело в темноте. Девочка протянула вперед правую руку – в левой она держала маленькую корзинку:

«Пойдем в рощу поиграть... Пойдем играть...»

Внутри Энджи рос темный ужас. Девочка звала за собой, и Энджи будто что-то потянуло во мрак узкого переулка, словно ее вели за невидимую леску. Против воли она сделала шаг к привидению.

– Паллорино, ну ты идешь? – Хольгерсен уже открыл дверь кафе, откуда вместе с теплым воздухом вырвались музыка и смех.

– Что? Да, да... Слушай, сходи опроси, не видел ли кто вчера Драммонд. Задай обычные вопросы – не было ли у нее проблем, не делилась ли своими страхами в последнее время, не было ли конфликтов с клиентами, коллегами или бойфрендом... А я кое-что проверю. – Энджи быстро спустилась с крыльца и исчезла за пеленой тумана и мокрого снега.

– Паллорино! – окликнул Хольгерсен и выругался, не дождавшись ответа.

«Пойдем играть... пойдем...»

Шепот слышался громче, в переулок влекло с неодолимой силой, и Энджи перешла на бег, спеша к черному зияющему проходу между зданиями, хотя все ее тело, каждая клетка кричала ей, что надо бежать и спасаться.

«Беги, беги! Утекай, утекай!»

Странные слова отдавались в ушах: некоторые походили на искаженный английский, будто ребенок коверкает, и означали приглашение к игре, зато другие фразы казались иностранными, хотя Энджи почему-то понимала их значение – мчись отсюда со всех ног, не медли!

С бьющимся сердцем она ступила в переулок и остановилась: девочка в розовом оказалась вдруг в дальнем конце прохода – невозможное розовое светящееся пятнышко, она снова куда-то манила вытянутой ручкой.

Туман за клубился, затем его унесло порывом ветра, и девочка исчезла.

Энджи с трудом перевела дыхание. От пота щипало верхнюю губу. В кирпичном ущелье царил непроглядный мрак – даже стены были черными от копоти и мха. Энджи снова включила фонарик. По проходу тянутся старые шпалы. Между ними блестят осколки стекла, валяется пустая бутылка, и все тонет в мокром снегу. Энджи медленно двинулась вперед. Гравий и прихваченная морозом слякоть хрустели под подошвами.

Луч фонарика отскакивал от стен, выхватывая выступы и щели, отчего тени беспорядочно метались вокруг. Что-то живое шмыгнуло по ботинку, и Энджи ахнула, инстинктивно дернувшись к кобуре на боку. Крыса скрылась в сточной трубе, уходившей куда-то вниз из маленького углубления в стене. Всего лишь крыса... Овладев собой, Энджи двинулась дальше, туда, где ей в последний раз привиделась девочка. Переулок вывел на широкий пустырь – из снежной каши торчали травяные кочки и колючие кусты. Над водой ревела сирена. Энджи посветила вокруг – девочки в розовом нигде не было.

Конечно, никакой девочки нет.

У нее галлюцинации, как у Мириам. Значит, она заболевает. Но отчего она кинулась за явным плодом воображения? Энджи не на шутку испугало, что галлюцинации могут быть сильнее логики. Она уже решила вернуться к освещенному теплему кафе, как вдруг увидела впереди заднюю стену автобусной остановки и свою «краун вик», припаркованную рядом. Тут-то ее и осенило.

Она взглянула на переулок новыми глазами: Драммонд наверняка срезала здесь дорогу. Злоумышленник мог оставить машину на этом пустыре – сюда можно свернуть из другого переулочка, ближе к берегу. И ни единого фонаря.

Светя себе под ноги, Энджи начала искать следы. Отпечатки протекторов, оставленные прошлой ночью, уже залеплены мокрым снегом, поэтому она пошла назад, дюйм за дюймом осматривая землю. Ничего. Она вновь вошла в узкий технический проход между заброшенными зданиями газовой станции и остановилась, представив, что она – Грейси Драммонд, только что вышедшая из автобуса и спешащая на работу. Девушка, наверное, пригнула голову, стараясь защититься от ветра, запахнула пальто и высоко подняла воротник. Шапка натянута на уши, а сами уши заткнуты наушниками – музыку слушала. Наверняка Грейси почти бежала через этот переулок – во-первых, автобус опоздал, а во-вторых, ей наверняка было не по себе в этом темном, безлюдном ущелье.

Может, она всегда выгадывала здесь лишние минуты, если, по словам Воэна, автобус постоянно отставал от графика? Может, кто-то знал об этой привычке и вчера поджидал Грейси? Тогда это не случайность, а преднамеренное, спланированное преступление!

Энджи низко опустила голову, как сделала бы Драммонд, и пошла, внимательно глядя под ноги. Она замерла на полушаге, когда на земле что-то блеснуло: ее недавний след, отпечатавшийся в снежной каше, позволил увидеть маленькие белые наушники с обрывком провода. Энджи подняла голову: оказалось, она опустилась на корточки у самой ниши, где скрылась крыса. Ниша в стене достаточно глубока, чтобы в ней, прижавшись к кирпичам, мог спрятаться преступник. Он мог выскочить перед Драммонд или пропустить и оглушить ударом сзади. Наушники были вырваны из ушей, и провод оборвался во время борьбы – судя по следам на руках и теле, Грейси Драммонд отчаянно защищалась. Но ведь не молча же она дралась?

Выпрямившись, Энджи крикнула во весь голос, проверяя звук в этом кирпичном ущелье. Голос прозвучал едва слышно, заглушенный мхом, лишайниками и слоем слякоти на земле. Даже если Драммонд удалось закричать, на вчерашнем ветру ее бы не услышали. Она была совершенно одна и без защиты.

– Паллорино! – раздался голос Хольгерсена. – Эй, кто здесь?

В конце прохода появился мечущийся свет. Послышались шаги – кто-то быстро бежал, направляясь сюда. Луч уперся Энджи в лицо, и она увидела, что напарник успел достать табельный пистолет.

Она помахала шнуром с наушниками, приподняв обтянутую перчаткой руку:

– Воэн сказал, она ехала в наушниках. Мамаша сказала, у нее был айфон. Это наушники «Эплл». Через этот проход можно выйти на пустырь, достаточно большой, чтобы поставить там машину. Видимо, преступник стоял в этой нише, зная, что Грейси придет. Напал на нее, вырвал наушники. Он все это спланировал. Он выбрал Драммонд не без причины, Хольгерсен. Он охотился на нее и похитил. Она оказалась в его вкусе, и нам нужно понять почему.

– Что за хрень, Энджи? – буркнул Хольгерсен, убирая пистолет. – Чего орать-то было? Я думал, на тебя напали! Иису-у-се... Я тебя ищу и вдруг слышу...

– Звук, – коротко объяснила Энджи, глядя на высокие кирпичные стены. – Звуки здесь сразу глохнут. Возвращайся на парковку, Хольгерсен. Старайся идти по своим следам, чтобы не натоптать. Нам сюда срочно нужны оцепление и кордоны, чтобы никого не пускали, пока мы не привезем экспертов. Ее похитили отсюда, головой отвечаю. Иди!

Хольгерсен, чертыхаясь, пошел обратно. Энджи шла за ним, ступая след в след.

– Что сказали в «Барсуке»? – спросила она сзади. – Выяснил что-нибудь?

Остановившись, Хольгерсен развернулся, глядя на нее тяжелым взглядом – злость и волнение еще не прошли.

– Тех, с кем она обычно работала, сейчас нет, у них смена кончилась, но менеджер говорит, Грейси была тихая, приятная девочка. Добрая, но замкнутая. О друзьях или кавалерах почти не говорила. Прилежная, аккуратная, страхами не делилась, проблем с коллегами у нее не возникало. Всегда срезала дорогу через этот переулок. Менеджер ночной смены малость стукнутый на пунктуальности, вот она и бежала здесь, чтобы сэкономить три минуты, вместо того чтобы пройти по освещенному тротуару в обход развалюх.

– Хорошо. Значит, мы...

– Хорошо?! Черт побери, Паллорино, ну как же ты меня напугала!

– Иди, не стой.

Они дошли до начала переулка.

– Принеси из машины барьерную ленту, – распорядилась она. – А я пока доложу о находке. – Едва Энджи достала мобильный, как он зазвонил. – Паллорино, столичная полиция.

– Веддер.

– Я как раз хотела вам звонить, – одними губами она прошептала Хольгерсену «Веддер» и жестом предложила ему поторапливаться. – Мы нашли...

– Я хочу, чтобы вы все остановили.

– Что?!

– Я хочу, чтобы вы все...

– Подождите, у нас же улика! Я...

– Паллорино, замолчи. Вот прямо сейчас. Ты меня слушаешь?

– Да, сэр.

– Сегодня утром убойный завел новое дело – в канале найдено замотанное в пленку тело обнаженной молодой женщины. Гениталии отрезаны, прядь волос надо лбом отсутствует.

Энджи нырнула под ближайший карниз, спасаясь от снега.

– А распятие на лбу? – спросила она.

– Пока сказать невозможно, но...

– Значит, она и Драммонд связаны с делами Фернихок и Риттер, – быстро заговорила Энджи. – Вы не можете меня снять, Веддер, я работала над обоими делами с Хашем, я их наизусть знаю! Вы обязаны дать мне возможность довести следствие до конца!

– Черт бы тебя побрал, Паллорино, дашь ты мне договорить? Пока мы болтаем, Базьяк формирует следственную группу.

– Блин, – прошептала Энджи, пиная гравий в снегу. Теперь все уплывет к убийному.

– Ты временно направляешься в эту группу...

Энджи замерла.

– Базьяк согласен, что дела Драммонд, Фернихок, Риттер и этой утопленницы, возможно, связаны друг с другом, и раз ты хорошо знакома со старыми делами об изнасиловании, он хочет, чтобы ты подъехала прямо сейчас на вскрытие трупа, выловленного из канала, чтобы наблюдать и информировать рабочую группу о любом сходстве, какое заметишь.

Энджи стиснула телефон, мигом взбодрившись от адреналина и острого интереса.

– Группу возглавляет сержант Джеймс Мэддокс, ты временно назначаешься ему в напарники. Он сейчас как раз в морге. Вскрытие Драммонд назначено на утро...

– Что еще за Мэддокс? Впервые слышу.

– Новый сотрудник.

– Как новый сотрудник? В убийном?! – У Энджи голова пошла кругом. – Как же так, значит, вакансию уже закрыли? Когда?

– Ну, Паллорино, это не мой отдел, я не в курсе.

– У вас на столе мое заявление, Веддер! Вы его подписали? Я прошла все курсы в Институте правосудия и не только, я...

– Сейчас не время...

– Нет, как раз сейчас время!

«В этом расследовании я могу доказать, на что способна. Это мой шанс прорваться».

– Энджи!

Она замерла – Веддер назвал ее по имени.

– Слушай, я не забыл про твою просьбу, но я тебе давно сказал – прежде чем дать ход твоему заявлению, мне необходимо заключение полицейского психолога. После потери напарника ты обязана сходить к нашему штатному психологу – таков протокол работы полиции города Виктория. Базьяк на тебя и не взглянет как на потенциального кандидата в его отдел, пока ты не получишь добро от нашего мозгоправа. Поэтому если оно тебе надо – действуй. Иди и получай психологическую оценку.

Волнение превратилось в тревогу. Меньше всего ей надо, чтобы в управлении узнали, что ей мерещатся призраки детей или что она подсела на анонимный секс в качестве разрядки. Так и с работы недолго вылететь.

Вернулся Хольгерсен с мотком желтой ленты.

«Соберись!» – приказала себе Паллорино.

Откашлявшись, она сказала негромко и ровно:

– По-моему, мы нашли место, где на Драммонд было совершено нападение. Это проход между заброшенными зданиями от «Синего барсука» до остановки, на которой потерпевшая вышла из автобуса.

– Ладно, хорошо. Оставляй Хольгерсена оцеплять место происшествия, а сама быстро в морг. Совещание следственной группы завтра в полвосьмого утра. Удачи. Энджи... – Веддер помолчал. – Веди себя по-человечески. Если будешь нормально сотрудничать, глядишь, Мэддокс и замолвит за тебя словечко, когда придет время. – Веддер снова помолчал. – Раскрытие убийств в одиночку не происходит.

Энджи прекрасно понимала, о чем говорил шеф. Он хорошо знал, какой она бывает в приступе безудержной ярости. Ему известно о ее вспышках гнева и недостаточном самоконтроле, об упорном желании работать без напарника. Энджи сознавала, что хороший детектив, раскрывающий особо важные дела, – это командный игрок, но командные игры всегда вызывали у нее отвращение, даже в школе и колледже. А еще она знала после утренней встречи с Веддером, что у нее на заднице уже, считай, нарисована большая жирная мишень.

У нее есть все, чтобы проиграть.

И все, чтобы победить.

И какой-то новичок Мэддокс, оказывается, еще выскажется, когда будет решаться ее судьба.

Глава 16

Эхо шагов в байкерских ботинках гулко отдавалось в подвальном коридоре. В моргах Энджи сразу выводил из равновесия запах. От этого она будет на взводе. Ее всегда бесили больничные запахи, хотя Энджи до сих пор не разобралась почему – в ее жизни не было долгого лежания в больнице.

В бардачке отыскался маленький пузырек эвкалиптовой мази – завалился еще с тех пор, когда Хаш простыл и сильно кашлял. У Энджи не хватило духу выбросить что-то из его вещей, и сейчас, подходя к дверям морга, она открыла пузырек и нанесла под нос немного мази.

Это было ошибкой.

Мазь жглась как собака, и глаза сразу заслезились. Двери с шипением разъехались, и Энджи вошла, часто моргая. Протяжная виолончель не заглушала звяканья инструментов и сильную струю из крана, заставляющую ныть металлическую мойку. Покойница лежала обнаженной на спине на металлическом столе: тело мертвенно-бледное, голова – кровавое месиво с оскаленными зубами, выпадающими из орбит глазами и темными прядями волос.

Несмотря на отменный самоконтроль, Энджи невольно ужаснулась.

Вскрытие проводила Барб О'Хейган – от этого у Паллорино немного улучшилось настроение. Врач подняла голову. Спина к Энджи стояли два детектива. Плотную коренастую фигуру Лео и его густейшие белые волосы легко было узнать, а вот человек рядом с ним был гораздо выше – пожалуй, все шесть футов четыре дюйма, и вдвое шире в плечах, чем Лео. В резком свете потолочных ламп густые черные волосы отливали синевой. Энджи обмерла.

– К нам присоединилась детектив Паллорино, – сказала О'Хейган в микрофон и кивнула Энджи.

Детективы повернулись, и Паллорино с забившимся сердцем встретила взглядом с темно-синими глазами.

Вот тебе и на – мистер Большой Член.

Высокий, смуглый и раздражающе красивый – тот самый незнакомец, которого она вчера ночью пристегнула к кровати в номере мотеля и отымела в свое удовольствие. И он новый сотрудник убойного отдела?! Это его мнение решит ее будущее? В ушах начался звон.

Энджи глубоко вздохнула, чтобы успокоиться, – и закашлялась от эвкалиптовой мази. Из глаз покатились слезы, из носа потекло, отчего она шмыгнула и снова закашлялась.

– Лео, Барб, – с трудом поздоровалась она, преодолевая кашель.

Детектив Лео нахмурился:

– А ты что здесь делаешь?

О'Хейган дотянулась и выключила микрофон над столом.

Энджи вытерла глаза большим пальцем.

– Извините, что-то в глаз попало. – Она снова шмыгнула носом. – Я назначена на это дело. Базьяк включил меня в следственную группу.

Виолончель взвилась диссонансным крещендо.

Лео смотрел на нее ничего не выражающим взглядом.

– Это Джеймс Мэддокс, – сухо сказал он. – Пока руководитель следствия по этой неопознанной.

– Энджи Паллорино, – сказала Энджи, снова заглянув в темно-синие глаза. Жар волной поднялся изнутри до корней волос, а собственные правила секса бешено завертелись в голове: «Никогда не спать с коллегой. Никогда не целоваться. Уходить первой. Всегда контролировать ситуацию...»

Сейчас она меньше всего что-то контролировала.

– Дело Драммонд веду я, – проговорила она, вытирая нос рукавом. – Нападение на нее может быть связано с двумя нераскрытыми изнасилованиями, которые расследовали мы с Хашовски, соответственно, три и четыре года назад. Во всех трех нападениях прослеживается аналогичный почерк. Меня попросили поприсутствовать на вскрытии и проследить, не выявятся ли новых совпадений.

Глядя на Паллорино в упор, Джеймс Мэддокс, помедлив, протянул руку. Они обменялись рукопожатием. Очень сильная и большая рука. Энджи даже вздрогнула, вспомнив ощущение этой руки на своем плече, когда он выводил ее из клуба ночью. А потом лежал обнаженный на постели, руки заведены за голову, волосы на груди, в подмышках и паху черные, как ночь, а кожа белая и гладкая, как мрамор или алебастр... И член – эрегированный, блестящий... Энджи стало трудно дышать.

– Рад познакомиться... детектив, – сказал Мэддокс, задержав ее руку на долю секунды дольше. В уголках его губ угадывалась улыбка, но глаза оставались абсолютно серьезными. Когда он отпустил руку, Энджи снова потерла нос рукавом.

О'Хейган, смотревшая на них, переглянулась с Лео и сказала:

– Носовые платки в коробке вон на том столе.

Энджи взяла целую стопку бумажных салфеток.

– Спасибо. Я воспользовалась мазью, которую Хаш оставил в моей машине. Жжет не по-детски... – Она через силу засмеялась. – Его последняя подковырка, не иначе.

Вот же блин...

Встав рядом с мистером Большим Че, Энджи обратила внимание на обручальное кольцо у него на пальце. Ну так она и думала... Под ложечкой засосало. Мужики, что с них взять. Охотятся по-тихому всеми доступными способами, движимые одним из самых основных инстинктов, которого порой не умеют или почти не умеют контролировать. Но не ей осуждать – она и сама охотится в темноте...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.